
ПОЕТ
АННЕ ВЕСКИ
ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ
ПРЕДНОВОГОДНЮЮ
БЕСЕДУ С ПЕВИЦЕЙ.
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1984

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО С МЕНГИСТУ ХАЙЛЕ МАРИАМОМ

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

17 декабря состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Генеральным секретарем ЦК Рабочей партии Эфиопии, Председателем Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

Во встрече принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

В ходе беседы состоялся плодотворный обмен мнениями по некоторым вопросам советско-эфиопского сотрудничества, обстановки в Африке и ряду других международных проблем, представляющих взаимный интерес. Было выражено глубокое удовлетворение успешным развитием многогранных советско-эфиопских отношений, скрепленных Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Эфиопией.

При обсуждении международной обстановки К. У. Черненко и Менгисту Хайле Мариам подтвердили единство взглядов Советского Союза и Эфиопии по актуальным проблемам современности. Они выразили озабоченность сохраняющейся напряженностью в мире, вызванной политикой агрессивных кругов США, взявших курс на достижение мирового господства, наращивание гонки вооружений, вмешательство в дела суверенных государств.

Была подчеркнута необходимость дальнейшей сплоченности и активизации усилий всех миролюбивых сил в целях отпора проискам империализма, предотвращения ядерной войны, упрочения всеобщего мира. В этом плане важное значение имело бы провозглашение Африки безъядерной зоной.

Беседа прошла в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания.

На беседе присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Ю. Лизунова (ТАСС)

По приглашению Советского правительства 17 декабря в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Республики Мальта Доминик Минтофф.

На Внуковском аэродроме Д. Минтоффа встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

На аэродроме были подняты государственные флаги Республики Мальта и Советского Союза, выстроен почетный караул от войск Московского гарнизона. Оркестр исполнил государственные гимны двух стран.

Н. А. Тихонов и Д. Минтофф обошли строй советских воинов.

Торжественная церемония встречи завершилась прохождением почетного караула.

18 декабря в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым и Премьер-Министром Республики Мальта Д. Минтоффом.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены основные вопросы развития советско-мальтийских отношений, а также состоялся обмен мнениями по некоторым актуальным международным проблемам.

Перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

Во время встречи М. С. Горбачева с М. Тэтчер. Телефото Э. Песова (ТАСС)

ВИЗИТ ДЕЛЕГАЦИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

По приглашению парламента Великобритании 15 декабря в Лондон с официальным визитом прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС, председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым.

16 декабря член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер.

М. С. Горбачев передал М. Тэтчер личное послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. В послании подчеркивается, что в сложившейся сейчас международной обстановке большое значение приобретает установление определенного взаимопонимания между Советским Союзом и Великобританией, их отношение к вопросам уменьшения угрозы ядерной войны, укрепления европейской и международной безопасности.

М. Тэтчер заявила, что высоко ценит получение этого послания и считает, что высказанные в нем мысли позволяют надеяться на возможность поисков договоренностей между Западом и Востоком, которые бы исключали дальнейшее ухудшение международной обстановки.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по узловым международным проблемам.

В этот же день премьер-министр Великобритании устроила завтрак в честь главы делегации Верховного Совета СССР М. С. Горбачева, на котором были: с советской стороны — депутаты Верховного Совета СССР Л. М. Замятин, А. Н. Яковлев, посол СССР в Великобритании В. И. Попов; с английской стороны — министр иностранных дел и по делам Содружества Дж. Хау, министр обороны М. Хезлтайн, министр сельского хозяйства М. Джоплинг, государственный министр иностранных дел М. Рифкинд, посол Великобритании в СССР И. Сазерленд.

М. С. Горбачев и члены делегации посетили в Лондоне штаб-квартиру компании «Джон Браун», которая имеет давнее взаимовыгодное сотрудничество с Советским Союзом. Руководители фирмы выразили заинтересованность в расширении деловых контактов с СССР.

17 декабря глава делегации Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев имел встречу с министром иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Дж. Хау. Состоялся деловой обмен мнениями по некоторым актуальным международным проблемам, а также по вопросам двусторонних советско-британских отношений.

18 декабря делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС, председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым встретилась в Вестминстерском дворце с членами британской группы межпарламентского союза, со спикером палаты лордов парламента лордом-канцлером Хейлшемом.

Перед членами парламента выступил глава советской делегации М. С. Горбачев.

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

17 декабря член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле кандидата в члены Политбюро ЦК ТПК, заместителя Премьера Административного совета КНДР Ким Бок Син.

В ходе состоявшейся беседы были рассмотрены вопросы дальнейшего развития советско-корейского сотрудничества в соответствии с договоренностями, достигнутыми во время визита в СССР в мае партийно-государственной делегации КНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сеном.

Во время беседы.

Фото В. Великжанина (ТАСС)

ТОРЖЕСТВО БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Большой праздник пришел на древнюю таджикскую землю. Трудящиеся республики отмечают 60-летие образования Таджикской ССР и Компартии Таджикистана. Знаменательной дате было посвящено состоявшееся 15 декабря в Душанбе торжественное заседание ЦК Компартии Таджикистана и Верховного Совета Таджикской ССР.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный присутствующими, на заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

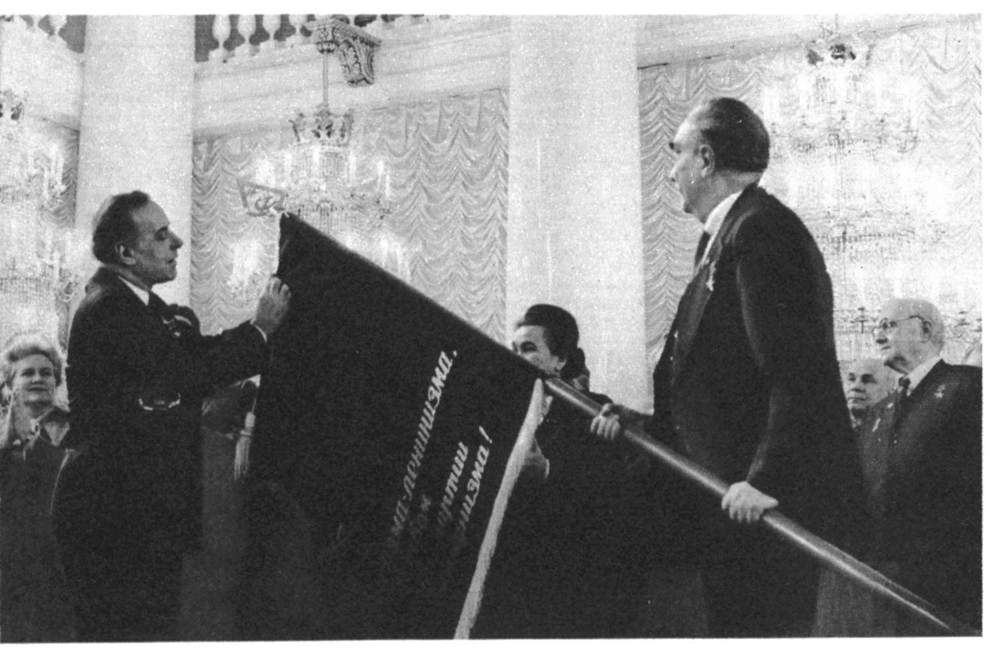
По поручению Центрального Комитета КПСС В. В. Гришин вручил Центральному Комитету Компартии Таджикистана, Верховному Совету и Совету Министров республики приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

С докладом выступил первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Р. Н. Набиев.

С подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На торжественном заседании в Душанбе.

Телефото Ю. Машкова (ТАСС)

НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

14 декабря в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное собрание, посвященное вручению Академии медицинских наук СССР ордена Ленина. Этой высокой награды она удостоена за большие заслуги в развитии медицинской науки и народного здравоохранения.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, заведующий отделом ЦК КПСС В. А. Медведев, ответственные работники ЦК КПСС, руководители ряда министерств и ведомств, видные ученые-медики и их коллеги, работающие в других областях знаний, представители общественных организаций.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На собрании с речью выступил тепло встреченный присутствующими Г. А. Алиев. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он сердечно поздравил коллектив Академии медицинских наук, всех, кто стоит на страже здоровья советских людей, с высшей наградой Родины.

Г. А. Алиев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под бурные аплодисменты присутствующих прикрепил орден Ленина к знамени Академии медицинских наук.

Во время вручения награды.

Фото Дм. Бальтерманца

УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ПАРТИИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ИЮНЬСКОГО (1983 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС»

Товарищи!

Сердечно приветствую участников научно-практической конференции.

Она проходит спустя полтора года после июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, который направил усилия партийных организаций на то, чтобы решительно поднять идеологическую работу на уровень больших и сложных созидательных задач, решаемых сегодня партией и народом, лучше учитывать реальности современной международной обстановки, обострение идеологической борьбы на мировой арене.

Понятно, сколь важно всесторонне осмыслить накопленный опыт, основательно проанализировать, как реализуются идеи и установки Пленума. А главное — обсудить и наметить, что предстоит сделать, на чем в первую очередь сосредоточить внимание, чтобы в полной мере использовать активную, преобразующую силу нашей идеологии в решении насущных экономических и социальных проблем, в коммунистическом воспитании трудящихся.

Тема конференции чрезвычайно актуальна. Партия, народ вооружены сегодня концепцией развитого социализма. Она дает нам строго научное представление о наших ближайших и перспективных целях, путях их достижения, лежит в основе подготавливаемой новой редакции Программы КПСС. Глубоко понимать политический смысл разработанной партией всесторонне взвешенной и реалистичной стратегии совершенствования развитого социализма, уметь тесно связывать ее с практикой пропагандистской, воспитательной работы — первейший долг идеологических кадров, всего партийного актива.

Сегодня мы можем с полным правом сказать, что идеи июньского Пленума, последующих Пленумов ЦК вошли в сознание миллионов, материализуются в практических делах, в позитивных переменах в народном хозяйстве, неуклонном подъеме благосостояния масс, росте их политической и трудовой активности. Вместе с тем надо смотреть вперед, ясно представлять и нерешенные проблемы, идти быстрее к намеченным рубежам.

Мне не раз в последнее время приходилось отмечать, что перед нашим обществом стоят качественно новые задачи, требующие мобилизации всего творческого потенциала народа, определенной переориентации общественного сознания. И здесь исключительно велико значение идеологической, политико-воспитательной работы. Она поднимает миллионы советских людей на самоотверженную борьбу за интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, за экономию материальных ресурсов, высокую производительность на каждом рабочем месте.

Партийные комитеты располагают богатым арсеналом форм, приемов и методов организации и воспитания масс. Повсеместное и умелое использование их — одно из важнейших требований ленинского стиля работы. Ему свойственны реализм, широкая опора на науку, знание и учет интересов, запросов людей.

Только на этой основе можно обеспечивать убедительность и доходчивость пропаганды наших идеалов, исторических завоеваний страны Октября, ее внутренней и внешней политики, формирование у советских людей высокой идейной убежденности, моральной стойкости, патриотических и интернационалистских чувств. Такая пропаганда — эффективное оружие против любых «психологических» атак классового противника, его попыток очернить социализм, затормозить наше движение вперед.

Уверен, что деловой анализ идеологической, пропагандистской практики, конкретные предложения участников конференции будут способствовать решению масштабных и ответственных задач совершенствования построенного в СССР социализма, усилению теоретической и пропагандистской работы, развернувшейся в партии в связи с подготовкой к XXVII съезду КПСС.

От всей души желаю вам, дорогие товарищи, успешной работы.

К. ЧЕРНЕНКО

ЖИВАЯ МЫСЛЬ, ЖИВОЕ ДЕЛО

В. БОРИСЕНКОВ,
секретарь МК КПСС

Работа Всесоюзной научно-практической конференции проходила в атмосфере творчества, под впечатлением от приветствия товарища Константина Устиновича Черненко ее участникам. В приветствии сформулирована главная мысль: идеи июньского (1983 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС вошли в сознание миллионов, они материализуются в практических делах, в позитивных переменах в народном хозяйстве, подъеме благосостояния масс.

Воспитанию коммунистической убежденности, живому творчеству масс, деловому анализу идеологической, пропагандистской практики был посвящен доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Он убедительно раскрыл богатый арсенал форм, приемов и методов воспитания трудящихся с учетом текущего момента и широкой исторической перспективы.

За минувшие полтора года партия проделала колоссальный объем работы, направленной на дальнейшее укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины. Разработана долговременная концепция идеологической работы — она выдвинута на первый план, утвердился подход к идеологии как сфере мысли, воспитания и действия. Это триединство в нашей живой повседневности определяется ленинским стилем работы партийных комитетов в условиях современности. Подлинно ленинскому стилю, подчеркнул К. У. Черненко, свойственны реализм, широкая опора на науку, знание и учет интересов, запросов людей.

Коммунисты Московской области имеют богатые традиции, накопили большой опыт в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Немало внимания партийные организации Подмосковья уделяют повышению политической сознательности масс, трудовому воспитанию как определяющим факторам в многогранной идеологической борьбе за человека, гражданина развитого социалистического общества. А проблем тут много. Важно уметь формировать общественное мнение, направлять его на безусловное повышение престижа труда высокопрофессионального, честного, творческого. Марка жителя столичной области, трудящегося подмосковного предприятия высока! И ко многому обязывает. Тут каждому надо строить себя как личность на прочной мировоззренческой основе. Человек труда, закаленный идейно,— это не только мастер своего дела, но и гражданин, семьянин; черты его характера раскрывают обычно и душевную глубину, и способность к самопожертвованию, и высокие потребности в духовном плане. Собственно, речь идет о том, каким видится сегодня наш современник. За примерами ходить недалеко, люди достойные рядом с нами. Это отличные производственники, думающие, увлеченные, богатые чувствами и помыслами коллективисты. Да, я говорю о людях прежде всего идейных, об ударниках и новаторах. Они есть, их немало; но речь идет о гражданской и политической зрелости масс, о морально-политической атмосфере в условиях, когда, как отметил М. С. Горбачев в докладе на конференции, реализация ряда важных мер в экономической, социальной, идеологической сферах позволила переломить неблагоприятные тенденции в экономике, ускорить темпы ее роста.

Всесоюзная научно-практическая конференция с новой силой раскрыла ключевое положение: важнейшим поприщем приложения сил в идеологической работе была и остается экономика. Период, прошедший после июньского (1983 г.) Пленума ЦК, показал, каких значительных результатов можно добиться за счет усиления политической, организаторской и идеологической работы в массах.

Сегодня важно подтянуть отстающие участки, обеспечить достойное завершение одиннадцатой пятилетки. Зависеть это будет и от работы агитаторов и пропагандистов, которые призваны процессу интенсификации экономики придать подлинно народный характер. Придется отказаться от устаревших подходов и методов в своей повседневной деятельности и посмотреть на многие стороны нашей жизни, в частности социалистического соревнования, по-новому, свежим взглядом. Всеми идеологическими средствами поддержать движение к новым рубежам экономики, достижениям научно-технического прогресса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

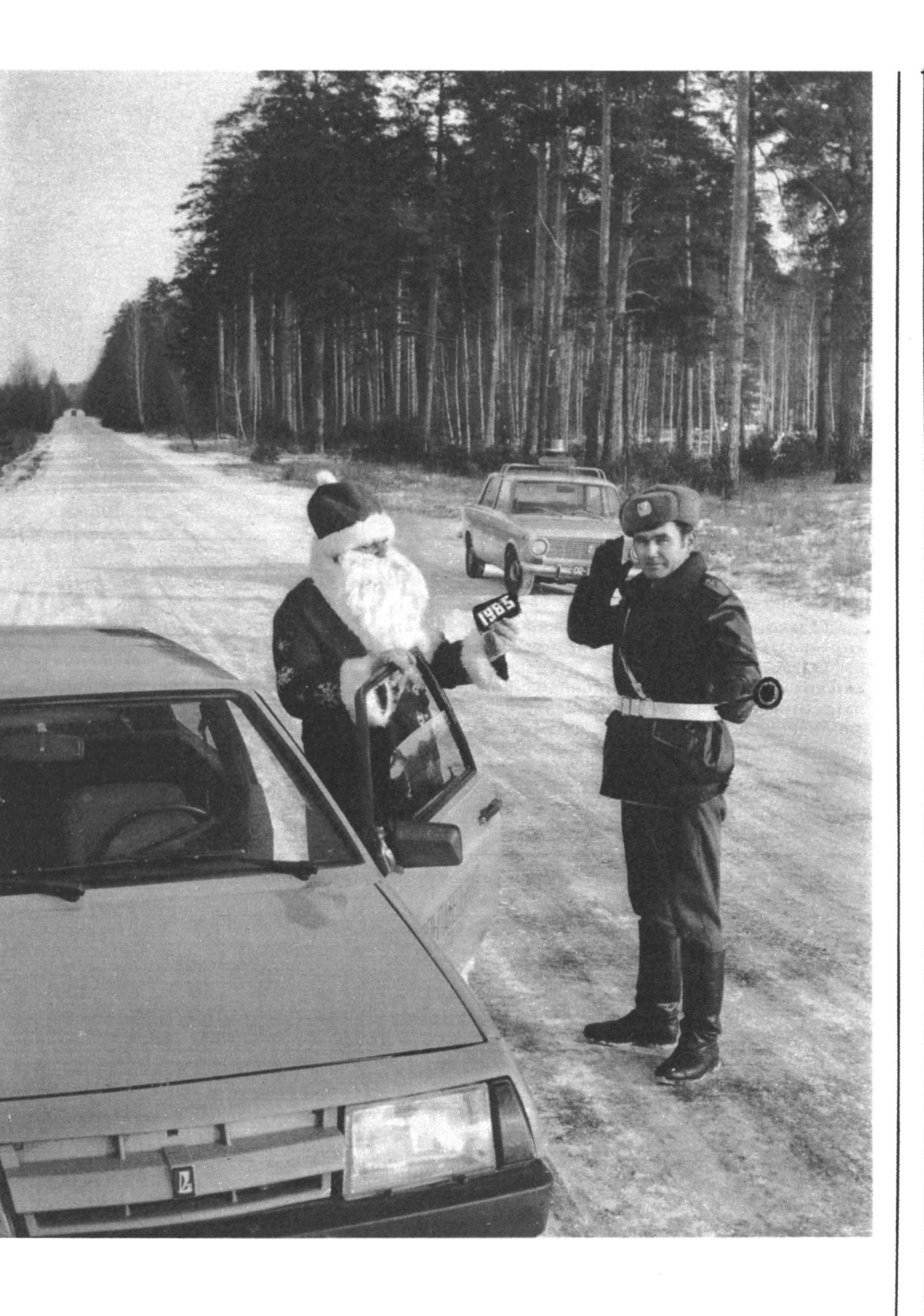

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2997)

22—29 ДЕКАБРЯ

С ГОДОМ РОЖДЕНИЯ, «ЛАДА»!

— Ваши документы, Дед... извините, товарищ Мороз!

Где традиционные санки Деда Мороза? Ушли в небытие, стали экипажем на колесах. А «права» у этого водителя самые надежные: пропуск в 1985 год, год рождения новой «Лады» ВАЗ-2108, выходящей с заводского конвейера в свой жизненный путь. Что же пожелаем мы, водители — любители и профессионалы — новорожденному?

Чтобы судьба новой модели была такой же долгой, как история Деда Мороза. Чтобы в талоне на жизнь «Лады» не было «проколов» — иначе говоря, конструкторских и заводских просчетов. Чтобы в мешках Дедов Морозов будущих лет мы искали радость настоящих подарков, а не дефицитных запасных частей. Чтобы служила «восьмерка» так же верно, как «тройка»— не та тройка лошадей, на которой гонял прежде Дед Мороз, а доброй памяти «третья», базовая модель ВАЗа, которая теперь уступила первенство новой «Ладе». Чтобы...

Но (почаще бы так!) автоинспектор уже сменил строгий взгляд на улыбку и разрешающе поднял свой жезл. В добрый путь, «Лада»!

Б. СМИРНОВ
Фото Ю. Белозерова (ТАСС)

Сергей ЛОСЕВ

С ВЕ

Советский народ имеет все основания вступать в новый, 1985 год — год 40-летия Великой Победы, завершающий год одиннадцатой пятилетки, год непосредственной подготовки к XXVII съезду партии — с настроением оптимизма и твердой верой в будущее. Эта вера зиждется не на эфемерных иллюзиях и надеждах, а на четком обновленном сознании силы и потенциальных возможностей нашей великой Родины.

Страна уверенно продвигается вперед по пути совершенствования всех сторон жизни советского общества.

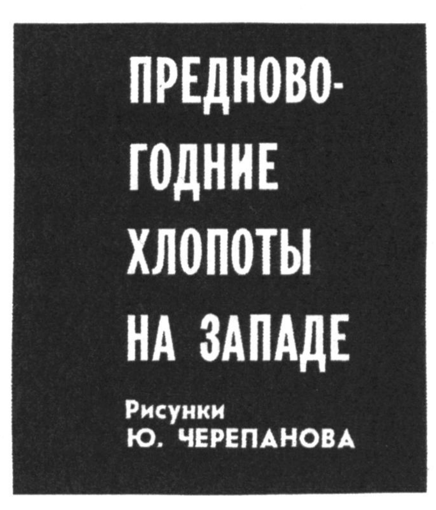
Сорваны непрекращающиеся и нараставшие на протяжении четырех лет усилия администрации США и НАТО нарушить военно-стратегическое равновесие, попытки империализма добиться военного превосходства натолкнулись на эффективный, жесткий и своевременный отпор.

Благодаря конструктивным инициативам Советского Союза на рубеже 1984—1985 годов человечество вновь начало обретать чувство надежды на возможность предотвращения термоядерной катастрофы. СССР и Соединенные Штаты согласились вступить в новые переговоры с целью достижения взаимоприемлемых договоренностей по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. Чтобы выработать совместное понимание предмета и целей таких переговоров, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь США Дж. Шульц встретятся в Женеве 7—8 января 1985 года.

Вполне естественно, что эта встреча вызывает в мире пристальный интерес. Ведь от того, как складываются отношения между двумя великими державами, во многом зависит вся международная обстановка. Нелишне напомнить в этой связи, что в 70-е годы, когда в результате совместных усилий СССР и США удалось добиться крупного сдвига в деле ограничения и сокращения ядерных вооружений, сделались возможными разрядка международной напряженности и подписание Хельсинкских соглашений. Впоследствии, однако, Вашингтон отбросил оправдавший себя принцип равенства и одинаковой безопасности сторон, на основе которого были заключены Соглашение ОСВ-1 и Договор ОСВ-2 об ограничении стратегических наступательных вооружений, бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны, целый ряд других договоренностей. Обманув ожидания народов на дальнейшее оздоровление международной ситуации, США пустили под откос Договор ОСВ-2 и прервали другие важные переговоры, которые были близки к практическим результатам.

За первый срок своего пребывания у власти администрация Р. Рейгана не заключила и не ратифицировала с Советским Союзом ни одного соглашения в сфере ограничения ядерных вооружений. Более того, она дезорганизовала весь процесс ограничения ядерных вооружений, сорвала переговоры по ядерным вооружениям в Европе и по стратегическим вооружениям.

Опасный курс администрации США вызывает тревогу во всех странах, в том числе и в самих Соединенных Штатах. Как показывают последние опросы общественного мнения, 89 процентов американцев считают, что в ядерной войне не может быть победителей, 96 процентов полагают, что идти на дальнейшее обострение отношений с Советским Союзом — опаснейшая авантюра. «Все реалистически мыслящие люди понимают,— отмечает газета «Нью-Йорк таймс»,— что переговоры — это не какая-то уступка русским, а объективная необходимость, порожденная нашей общей заинтересованностью в том, чтобы выжить».

ГАНГСТЕР:
— Вижу, старик, ты и в этом году ничего хорошего не несешь.

РОЙ В БУДУЩЕЕ

Со своей стороны, СССР готов к самым радикальным решениям, которые позволили бы продвинуться к полному запрещению и в конечном итоге к ликвидации ядерного оружия. Но, разумеется, должен быть поставлен прочный заслон на пути распространения гонки вооружений на новые области, ею еще не охваченные, прежде всего на космос.

Общественность задается сейчас вопросом: готовы ли к конструктивным переговорам США? Только будущее позволит дать определенный ответ. А пока приходится считаться с тем, что США и НАТО не снижают темпов материальной подготовки войны и продолжают форсированное осуществление широкомасштабных программ наращивания вооружений.

Американский военно-промышленный комплекс, пользующийся преобладающим влиянием в вашингтонских коридорах власти, связывает свои нынешние планы на достижение военного превосходства прежде всего с рейгановской программой «звездных войн». Официальный Вашингтон упорно пытается внедрить в сознание общественности нелепую мысль о том, что можно якобы серьезно заниматься ограничением гонки вооружений на грешной Земле и одновременно распространять гонку вооружений на космос. Не далее как 27 ноября пресс-секретарь Белого дома утверждал, будто программа «звездных войн», провозглашенная Рейганом 23 марта 1983 года, «соответствует всем нашим договорным обязательствам, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года».

Показательно, что те американские высокопоставленные представители, которые стояли у истоков соглашения ОСВ-1, Договора ОСВ-2 и Договора ПРО, предостерегают против опасных последствий попыток создать широкомасштабную систему ПРО с элементами космического базирования. Так, бывший директор американского агентства по контролю над вооружениями и разоружению Поль Уорнке, выступая на конференции за предотвращение ядерной войны, охарактеризовал как иллюзию расчеты администрации Р. Рейгана на «неуязвимость» Соединенных Штатов в результате принятия программ создания широкомасштабной противоракетной обороны с элементами космического базирования.

Конгрессмен-демократ от штата Калифорния Браун подчеркнул, что программа «звездных войн» неизбежно будет рассматриваться как неотъемлемая часть усилий США по созданию условий для нанесения первого удара и подорвет Договор ПРО — наиболее важное из действующих сейчас соглашений в области контроля над вооружениями.

Независимая международная комиссия по вопросам разоружения и безопасности («комиссия Пальме») по завершении своих декабрьских заседаний в Чикаго призвала к быстрейшему заключению соглашения о предотвращении милитаризации космического пространства и выработке соглашения о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Выступая в нью-йоркской ассоциации внешней политики, премьер-министр Швеции Пальме указал, что размещение оружия в космосе внесло бы новый опасный элемент в продолжающуюся гонку вооружений. Возможность создания «непробиваемого щита для обороны от ракет» крайне сомнительна, сказал он. Кроме того, эта идея идет вразрез с такими важными соглашениями, как советско-американский Договор об ограничении систем ПРО, Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, Договор о принципах деятельности государств в космосе. Такой шаг почти неизбежно вызвал бы ответные меры другой стороны.

И наши внутренние гигантские социально-экономические задачи, и опасная внешнеполитическая обстановка требуют, чтобы наша страна не сбавляла, а, наоборот, наращивала взятые темпы и усилия, направленные на дальнейшее укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины. Основы производственных успехов партия видит в заботе о людях, в создании надлежащих условий для их труда и быта, дальнейшего расцвета культурной жизни. Огромные возможности ускорения социально-экономического развития нашего общества заложены в соединении инициативы и самодеятельности масс с научно обоснованным, творческим подходом к решению назревших проблем. В сочетании с перестройкой и совершенствованием всего хозяйственного механизма эти мощные рычаги позволят вывести народное хозяйство на качественно новый научно-технический и организационно-экономический уровень, добиться решительного сдвига в повышении эффективности общественного производства и его интенсификации и тем самым заложить надежную материальную базу повышения благосостояния трудящихся, обеспечить укрепление позиций страны на международной арене, позволить ей достойно вступить в новое тысячелетие как великой и процветающей державе.

Империализм рассчитывает измотать нас в новом раунде гонки ракетно-ядерных вооружений, распространить эту гонку на космос и таким образом попытаться добиться военного превосходства и сорвать осуществление наших хозяйственных планов. Но этим расчетам не суждено сбыться.

У нашей державы есть колоссальные резервы. По существу, мы их только начинаем использовать. Речь идет прежде всего о том, чтобы обеспечить полное использование имеющегося экономического потенциала Советского Союза. И какую бы сферу хозяйствования мы ни взяли, при детальном рассмотрении в каждой из них имеются огромные неиспользованные возможности, идет ли речь об экономии топлива и энергии, снижении металлоемкости и энергоемкости оборудования, повышении качества изделий или об использовании вторичного сырья.

1985 год — год необычный. Это год непосредственной подготовки к XXVII съезду КПСС, призванному закрепить начатый в последние годы глубокий поворот к реализму в теории и на практике, развить все то позитивное в морально-политической атмосфере, экономическом, социальном и духовном развитии советского общества, что было накоплено после XXVI съезда. Съезду предстоит принять решение об основных направлениях экономического и социального развития СССР на двенадцатую пятилетку и до 2000 года и принять новую редакцию Программы КПСС, научно определяющую стратегию социалистического и коммунистического строительства на обозримую перспективу. Важную роль в подготовке к съезду сыграет очередной Пленум ЦК КПСС, которому предстоит, в частности, рассмотреть вопрос ускорения научно-технического прогресса, определить стратегию дальнейшего развития экономического потенциала страны, отдавая приоритет принципиально новым, действительно революционным научно-техническим решениям, способным многократно повысить производительность труда.

В речи на заседании Политбюро ЦК КПСС 15 ноября 1984 года товарищ К. У. Черненко подчеркнул, что «положительные сдвиги в экономике должны быть не только закреплены, но и приумножены». В этом твердый залог нашего будущего.

РАСИСТ:
— Елку для черных я украшу на полную катушку.

КАПИТАЛИСТ:
— Теперь не будут говорить, что я не забочусь о бездомных.

ПИНОЧЕТОВЕЦ:
— Приказано встретить тебя в штыки.

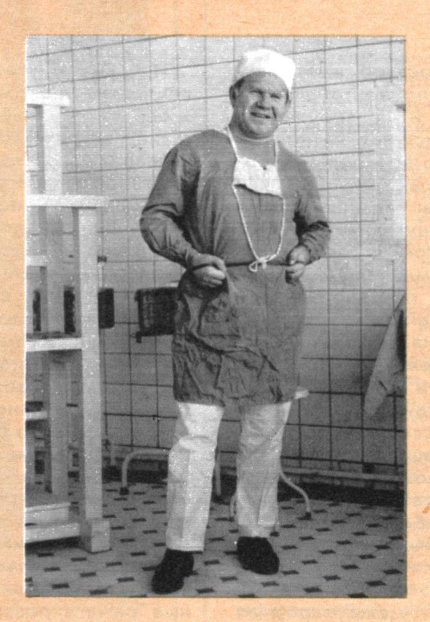
ПЕНТАГОНОВЕЦ:
— У меня веское основание для такой «елки».

Если бы я был Дедом Морозом...

В этих предновогодних интервью мы задавали только один вопрос: «Что бы вы сделали, если бы были Дедом Морозом!» Вот что ответили наши собеседники.

Виктор САВЕЛЬЕВ,
главный хирург РСФСР,
академик Академии МН СССР

Я очень люблю свою профессию, не променял бы ее ни на одну профессию в мире и все же, если бы я был Дедом Морозом, то перво-наперво пожелал бы себе... остаться без работы хирурга. Говорю это без юмора, вполне серьезно.

Для любого врача, будь то хирург или офтальмолог, педиатр или травматолог, всегда тяжело смотреть на больного человека, единственной помощью для которого является хирургическое вмешательство. Вот почему я, став Дедом Морозом, постарался бы всех людей сделать более бережливыми к своему здоровью, более рачительными и мудрыми по отношению к собственному организму. Ну, а мы, хирурги, переквалифицировались бы тогда в сангигиенистов, диетдокторов, физиотерапевтов... Да мало ли в нашей области деятельности прекрасных и нужных людям профессий!

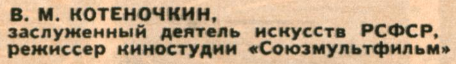

Рая САМЖИЛИНА,
дежурная по станции «Кузнецкий мост»

— Как вы себя чувствуете, Рая, здесь, под землей?
— Хозяйкой подземного дворца. А это мой скипетр.— Рая, улыбаясь, поднимает жезл.
— Что входит в обязанности хозяйки, помимо отправки гостей в голубых экипажах?
— Приходится быть ходячим справочным бюро на общественных началах. О чем только люди меня не спрашивают: «Что сегодня в Большом? Когда закрывается ГУМ? Где можно срочно удалить зуб?» И ведь на спрос спиной не повернешься, потому что для людей, особенно для приезжих,— я олицетворение Москвы, а значит, должна держать столичную марку, быть доброжелательной и всезнающей.
— Чем бы вы, Рая, порадовали людей, будь вы Дедом Морозом?
— Прочным миром, конечно, прежде всего. В людях я ценю вежливость, предупредительность, внимательность друг к другу — и на перроне метро и вообще в жизни. И считаю, что страны — это тоже как бы пассажиры одного поезда. Зачем же толкаться, «работать локтями»? Земной шар — ведь это не вагон в час пик. Места всем хватит.

В. М. КОТЕНОЧКИН,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
режиссер киностудии «Союзмультфильм»

Будь я Дедом Морозом, выполнил бы просьбу всех ребят и выпустил бы сто серий мультфильма «Ну, погоди!». А пока мы приготовили лишь четырнадцатую его серию. Последняя, тринадцатая, была сделана к Московской Олимпиаде. Сейчас действие фильма происходит в Доме техники, и наши постоянные герои Волк и Заяц встречаются со всякими техническими изобретениями, роботами, космическими чудесами. Для того, чтобы получилось десять минут, полных радости, наши художники-мультипликаторы нарисовали 15 тысяч цветных рисунков. Быть может, уже в зимние каникулы москвичи смогут увидеть эту серию в наших специальных кинотеатрах. «Попался, который кусался» — фильм о зверюшках, еще один подарок ребятам. А взрослым мы приготовили фильм по песням Утесова «Старая пластинка».

Елка высотою

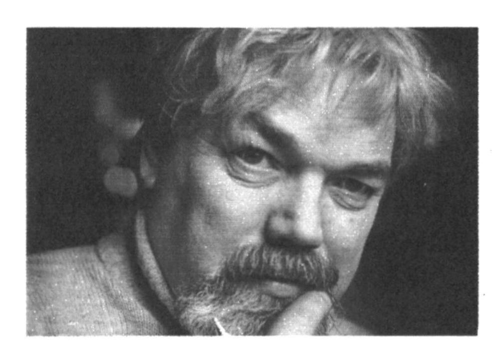
В этом году, как и в прошлом и в позапрошлом, я заранее решил: елки в моем доме не будет. Сын давно уже взрослый, живет отдельно, внуков еще нет. А нам с женой вполне хватит подобранной на улице ветки. Поставим ее в вазу, украсим клочками ваты — пусть пахнет в доме Новым годом, пусть попадаются до самого февраля хвойные иголочки среди листов рукописей...

И все-таки елка у меня будет! Большая. Высокая. Высотой в целую жизнь — мою и моего поколения. Стоит чуть прикрыть глаза — и я вижу ее. Вижу на ее нижних, широко раскинутых лапах осыпанные блестками игрушки. Лихо бьет в барабан заяц из рельефного картона. Толстая кошка-повариха в белом переднике подносит кр рту большую белую ложку. Спешит куда-то с лукошком Лиса Патрикеевна. Это я сам их развесил здесь, внизу: выше мне пока не дотянуться. Сколько мне лет? Сколько лет нам, ровесник: пять, шесть? Но главное — это происходит в ту почти легендарную эпоху, которую мы и сейчас называем «до войны». Мы застали только маленький кусочек этого времени, и оно кажется нам бесконечно счастливым, идиллически безмятежным. Хотя уж теперь-то мы, взрослые люди, знаем, что идиллически безмятежных лет в истории нашей страны не было. Я трогаю колючие нижние ветки моей большой елки и думаю о тех, кто сегодня, точно так же, как мы когда-то, впервые самостоятельно развешивает на хвойных лапах свои новогодние сокровища. Они похожи и непохожи на нас, эти малыши. Они лучше одеты, у них штанишки без заплаток и чулочки без штопки. У них такие игрушки, что нам даже и не снились: есть даже управляемые по радио. А среди тех, что развешаны на елке,— космическая ракета, спутник, луноход. Но я хочу пожелать им в Новый год, чтобы и добрые зверюшки нашего детства не покидали их. Чтобы тряпичный заяц с оторванным ухом был иногда дороже самой дорогостоящей новинки. Это очень важно. И еще: я хочу, чтобы в их жизни было как можно больше доброты и ласки, которых не заменишь никакими подарками. И еще — не еще, а прежде всего — я желаю им мира на земле. Чтобы никогда не пришлось им даже в сотой доле пережить то, что досталось нам, ровесник.

Смотри: следующий «этаж» еловых веток освещен скудно — в доме давно нет электричества, тускло мерцает блокадная коптилка. Новый, сорок второй год. Но елка все-таки есть! Где, на что выменяла ее мама — до сих пор остается секретом. Есть елка — значит, есть и праздник! Я даже получил настоящий подарок: настольную игру под названием «Зайчик Егорка». Обыкновенная игра типа «вверх-вниз»: бросаешь кубик и продвигаешь фишку на выпавшее число клеток. Перед началом путешествия мама-зайчиха наставляла зайчика: «Мой зайчик Егорка, добеги ты до бабушкина пригорка, кузовок с морковкой отнеси и у нее капустки попроси...» По дороге зайчика подстерегают разные неприятности: попал на «несчастливую» клетку, встретился с лисой — пускайся наутек обратно, чуть ли не к самому началу. Завидел волка — сиди под кустиком, пережидай ход... А мысль то и дело уводит в сторону: «Не худо все-таки живется этому зайцу! Морковки у них, судя по всему, завались! А захотел капусты — чего проще: пошел и попросил у бабушки... Нам бы так! В нашем-то доме ни морковки, ни

Илья **ФОНЯКОВ**

В ЖИЗНЬ

капусты уже много недель не видать...» «Твой ход, бросай кубик!» — напоминает мама. Упрямый заяц, несмотря на все преграды, продвигается к своей цели. Кончим игру — примусь за цветные, еще довоенные карандаши. Буду рисовать не зайца с морковкой — буду рисовать войну. Зеленые танки с красными звездами на броне, краснозвездные самолеты. И другие самолеты, черные, безобразные, с крестами на фюзеляже, они падают носами вниз, и хвосты у них дымятся. Много лет спустя увижу некоторые свои тогдашние рисунки вместе с рисунками сверстников в замечательном музее «А музы не молчали...», созданном при ленинградской 235-й школе учителем Евгением Алексеевичем Линдом и его юными помощниками. Младшим из них примерно столько, сколько было нам в тот год, когда пришла Победа. Ее лучами озарен следующий ярус веток на моей елке.

Родная армия прошла
И все, что с детства сердцу мило,
Все, до последнего села,
От вражьих орд освободила,—

читал розовощекий Дед Мороз у первой послевоенной елки на детском утреннике в каком-то Доме культуры, и в голосе его звучало неподдельное вдохновение. Кому принадлежали эти бесхитростные стихи — до сих пор не знаю, но в память они запали навсегда. В наступающем году мы отметим сорокалетие нашей Победы — праздник великий и светлый. Сорок лет Победы — это сорок лет мира. Мой сын по образованию археолог, историк. Както мы с ним подсчитали вместе: за всю многовековую историю нашей государственности не знала наша земля столь долгого мирного периода! Может быть, это самое величественное из всех достижений нашей страны — величественней всех новостроек. Ибо мы знаем, что оно не пришло само собой. Мир надо отстаивать, за него надо бороться — эту истину мы усвоили с детства. Мое первое стихотворение, опубликованное в маленькой газете города Пушкина под Ленинградом, когда мне было четырнадцать лет, называлось «За мир». Ученическое, подражательное стихотворение. Но ведь и это важно: с чего начинаем учиться, чему подражаем — не так ли, ровесник? Пожелаем же в этот Новый год, чтобы ярко сиял и в будущем свет нашей Победы, чтобы и впредь бесконечная череда мирных лет приумножала его славу!

А что это там голубеет на длинной, далеко протянувшейся в сторону ветке моей елки? Кажется, это лента серпантина со студенческого новогоднего бала! Славный, веселый бал, только эстрадный оркестр вот уже добрых полчаса недоуменно скучает: те, кого он призван развлекать, развлекают себя сами. Сгрудились в углу зала и поют хором о своих студенческих стройках.

...Река Лидь, Михалево, Пожарище, Ромашки, Богатыри, Судаково — адреса наших студенческих отрядов тех лет в Ленинградской области. Маленькие межколхозные электростанции, ныне давно уже отработавшие свое, а то и просто коровники, овчарни, конюшни в деревнях, с трудом оживающих после военного запустения. Разве можно забыть, как много значило все это для нас? Мы смотрели жизни в глаза, видели, как она еще трудна, как много надо сделать и как много зависит от нас. Филологи, историки, физики, математики, мы становились летом лесорубами и плотниками, кровельщиками и бетонщиками. Да разве только летом? Вскоре после того бала, после зимней экзаменационной сессии, мы — небольшая группа самых «отпетых» энтузиастов — уезжали на Карельский перешеек по одному из самых «завальных» колхозов заготовить лес для строительства... Теперь, я знаю, ребята в студенческих строительных отрядах неплохо зарабатывают. Наверное, так и надо. Хочется ребятам и приодеться, и магнитофоном поновее обзавестись, и в туристское путешествие отправиться. Нам такое и не снилось. Работали «за так» — и, в общем, оказывались не в проигрыше. Было нам наградой чувство самостоятельности, причастности к настоящему делу. И разве не радостно, ровесник, что в тех, кому сегодня столько лет, сколько нам было тогда, мы узнаем-таки черты своей молодости?

Как-то мне довелось писать о необычном, круглогодичном студенческом стройотряде, действовавшем в одном из сибирских городов. Их сверстники отправлялись в походы по следам тунгусского метеорита, исследовали таежные озера в составе экспедиции «Ихтиандр», а эти ребята просто шагали по улицам родного, старого, еще наполовину деревянного города и узнавали, где живут одинокие старики, нуждающиеся в их помощи. И находили. И помогали: инвалиду войны крышу перекроют, у солдатской матери в квартире ремонт сделают. Где забор покосившийся поправят, где сараюшку подновят. И все это совершенно бескорыстно. Не слишком, конечно, громкие дела, а какого полны глубокого смысла! Подлинный «практикум по гуманизму» — так назвал я тогда свою статью. И вспомнил о ней сейчас не случайно. Потому что инициатива этих ребят и сегодня насущна. Потому что доброта и человечность насущны всегда. А мы не всегда знаем, как их воспитывать. И нынче, в этот Новый год, хочется пожелать тем, кто молод: растите! Не пожимайте плечами недоуменно: куда ж еще, мы и так вон какие вымахали! В человеке всегда есть резервы роста. Растите большими. Умными. Добрыми. Ибо, как сказал один поэт в нашем городе, «счастливы будут добрые. Жадные — никогда!».

...А на этой ветке елки снег. Настоящий, не ватный. Сибирский. Но вот чудо — не тает! Столько лет уже не тает! Был такой Новый год в жизни, в пору моей работы в Сибири, когда вдруг решили мы — друзья из Новосибирска, Иркутска, Красноярска — слететься на праздник в Братск, где уже работала на полную мощность великая ГЭС, к сооружению которой многие из нас имели прямое касательство. Выбрали высокую ель на поляне в заснеженной тайге — там и праздновали. Индевели пряди волос, выбившихся из-под шапок у нас и наших подруг. А когда вернулись в тепло, посмотрели друг на друга и, может быть, в первый раз заметили: растаял иней, да не весь... А с той поры и еще немало прибавилось. Что ж, у нашего поколения — первого, пожалуй, поколения советского народа, которому не пришлось самому воевать,— немало за плечами. Первые космонавты — наши сверстники. И целина — это наше. И строительство первого Академгородка под Новосибирском. И Братск, и Дивногорск, и Усть-Илим со всеми их радостями, со всеми уроками тоже наши. Наша гордость и наша ответственность. А вот БАМ, Саяно-Шушенская — это уже стройки, так сказать, эстафетные, где рядом с нашими сверстниками вовсю трудилось и трудится новое поколение. И это прекрасно. Об одном только могу пожалеть — о том, что в самой дорогой мне области, в поэзии, передача эстафетной палочки, пожалуй, задерживается. Есть отдельные имена, но и эти «отдельные» не так уж молоды. Где вы, девятнадцатилетние, двадцатилетние, со своей мыслью, своей интонацией, своим словом? А в общем-то хочется пожелать своему поколению новых радостей творчества, доброго пороха в пороховницах, доброго взаимопонимания с теми, кто идет на смену. И еще — всегда оставаться надежным и прочным звеном в цепи, связующей времена!

Смотрю и смотрю на мою большую елку... Вон одна веточка чуть вскинута вверх, словно расправляет дерево затекшую руку. А, понятно: это напоминание о той новогодней елочке, что летела однажды, туго запеленутая, вместе со мной в далекую страну на юге. В стране этой — во Вьетнаме — есть свой Новый год, праздник «тет», отмечаемый по лунному календарю,— с трескотней хлопушек, с развевающимися на ветру бумажными драконами, с лиловыми цветами сливы на тонких веточках, с маленькими мандариновыми деревцами в фарфоровых горшочках. Все это мы увидели потом. А тогда, в тот новогодний вечер, мы собрались в советском посольстве вокруг нашей елочки-путешественницы. Ей, наверно, был непривычен здешний тропический воздух, жужжание пропеллеров-вентиляторов под потолком. Но она с честью несла свою службу. И далекая страна становилась понятней и роднее. Так получилось, что с этой страной оказалось многое связано в моей жизни. Пройдены тысячи километров по ее дорогам. Есть хорошие, надежные друзья — я гостил в их домах, и они бывали не раз в моем ленинградском доме. И как не пожелать в этот Новый год счастья и процветания их прекрасной и многострадальной земле — и всем землям, всем странам, с которыми связывают нас узы дружбы! И пусть всегда дружба стран и народов подкрепляется простой и земной дружбой отдельных людей — единомышленников и соратников!

Ветка елки касается моей головы — напоминает о том, что еще раз свершился круг, пора менять настольный календарь.

Перелистываю на прощание легкие странички старого года: на них деловые записи, имена людей, адреса, телефоны. Что-то забудется, что-то останется. Минувший год был непростым годом. Он принес много интересного и радостного. Открылось сквозное движение поездов на Байкало-Амурской магистрали — событие без преувеличения глобального масштаба. Как добрые знакомые, говорили с нами из космоса космонавты, вписываясь в экраны наших домашних телевизоров. Выходили хорошие книги, исполнилось полвека Союзу писателей СССР, и этот большой юбилей, о котором много писали, сопровождался целым созвездием меньших юбилеев. В Ленинграде, например, отметили пятидесятилетие Книжной лавки писателей. Вроде частный повод. Но это было яркое событие. Потому что речь шла о юбилее любимого и признанного ленинградцами культурного центра, не прекращавшего свою деятельность даже в самые тяжкие военные годы. «Оживленно работает книжная лавка писателей,— сообщала блокадная «Ленинградская правда».— План в первом квартале 1942 года выполнен на 195 процентов...» Вспомним еще раз, что наступающий год — год 40-летия Победы. Вспомним о том, что наша страна победила не только силой оружия. Но и силой духа. Тем, что люди ее оставались Людьми с большой буквы, не утрачивали устремленности к высокому даже в дни самых тяжелых испытаний.

Да, в моем доме нет елки — только веточка в настольной вазе. Пусть та статистическая елочка, которую судьба предназначала для меня, спокойно растет где-нибудь на лесной заснеженной поляне! У меня есть другая елка — высотой в жизнь. Запрокину голову — вижу: распростерлись в вышине ветки, словно грядущие годы. А на самой вершине — звезда. Та, под которой мы родились. Та, которую я так старательно учился рисовать в детстве — и был счастлив, когда наконец получилось. Та, которую потом не раз, бывало, рисовал прутиком на земле в далеких странах, когда спрашивали знаками: откуда, мол? — а общего языка, чтобы ответить, не находилось. Та, которую ставили на фанерных пирамидках во время войны. Та, без которой мы были бы не мы, а совсем другие люди.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

В вашем журнале был напечатан репортаж о семье, в которой родились четыре девочки: Женя, Маша, Таня и Катя.

Прошел год. Очень хотелось бы вновь встретиться с этой семьей, посмотреть на Юлю и ее сестричек.

Семья Горбуновых.

Черкассы.

Не узнали? Да это же Катя, Женя, Маша и Таня — близнецы, родившиеся в московской семье Евгении и Александра Шашковых. Мы рассказывали о них ровно год назад (см. «Огонек» № 52 за 1983 год). Однако кто из них кто на нашей верхней фотографии, мы сказать затрудняемся. Только папа с мамой да бабушка с дедушкой, приезжающие по субботам, считают, что у них совсем разные лица. А нам они показались как две капли воды похожими друг на друга: все сестрички серо-голубоглазые, белоголовые, круглолицые. Впрочем, сначала мы пытались их различать по цвету... ползунков. Но так как смена декораций, вызванная обилием эмоций при вторжении двух незнакомых людей, происходила довольно часто, то вскоре мы окончательно запутались.

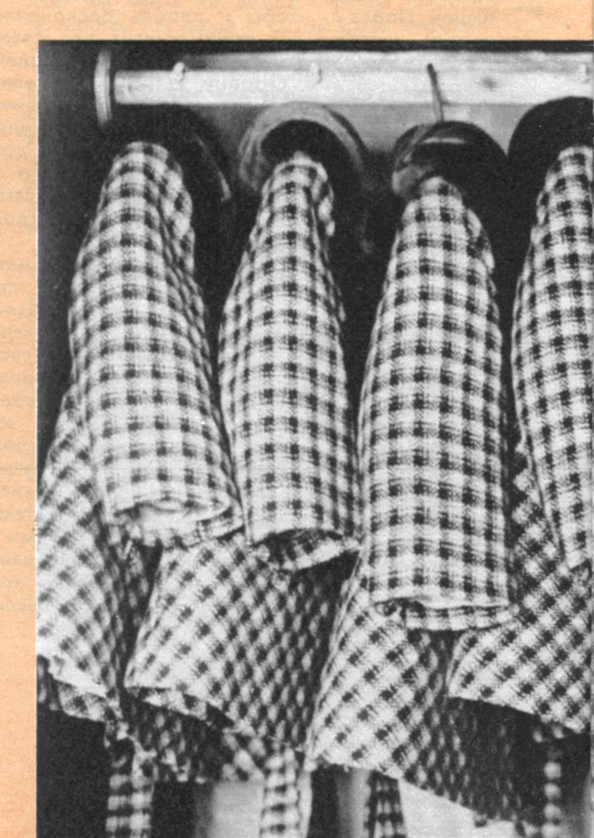
Год назад в такой же декабрьский день малышкам было всего по четыре месяца, и жили они в тесной квартире у бабушки с дедушкой на Россошанской улице. Сегодня им по шестнадцать месяцев. Перемены, происшедшие в их жизни, как видите, весьма существенны: они уже довольно давно на собственных ногах. Первой это совершила еще в августе Таня, сделав себе подарок ко дню собственного дня рождения. Родители не удивились, приняли как должное. Давно заметили, что Таня самая решительная и рассудительная из всех, если, конечно, предположить, что может быть человек рассудительным в столь нежном возрасте. Произошло это в один прекрасный солнечный день. Тане надоело ползти за игрушкой, она поднялась, чуть-чуть потопталась на месте, словно испытывала свою устойчивость. Сделала шажок, еще один. И пошла! Пошла, к великой радости своей матери, к ее протянутым рукам. Даже про рыжую белку забыла.

Следом за Таней заторопилась, точно опасалась, что ее обгонят другие, Маша. Потом Женя и Катя — в один день. Первые шаги — первая самостоятельность, значит, и способность познавать этот такой бесконечный, бесконечный, бесконечный мир.

Топ, топ, топ... А что там, за дверью, на соседней территории? Она ведь такая обширная — тринадцать метров в длину. Устанешь, пока протопаешь, пока упрешься в мягкую, обитую чем-то прохладным стену. Тут для девочек конец света, который они еще не переступали. Правда, на пути еще мно-

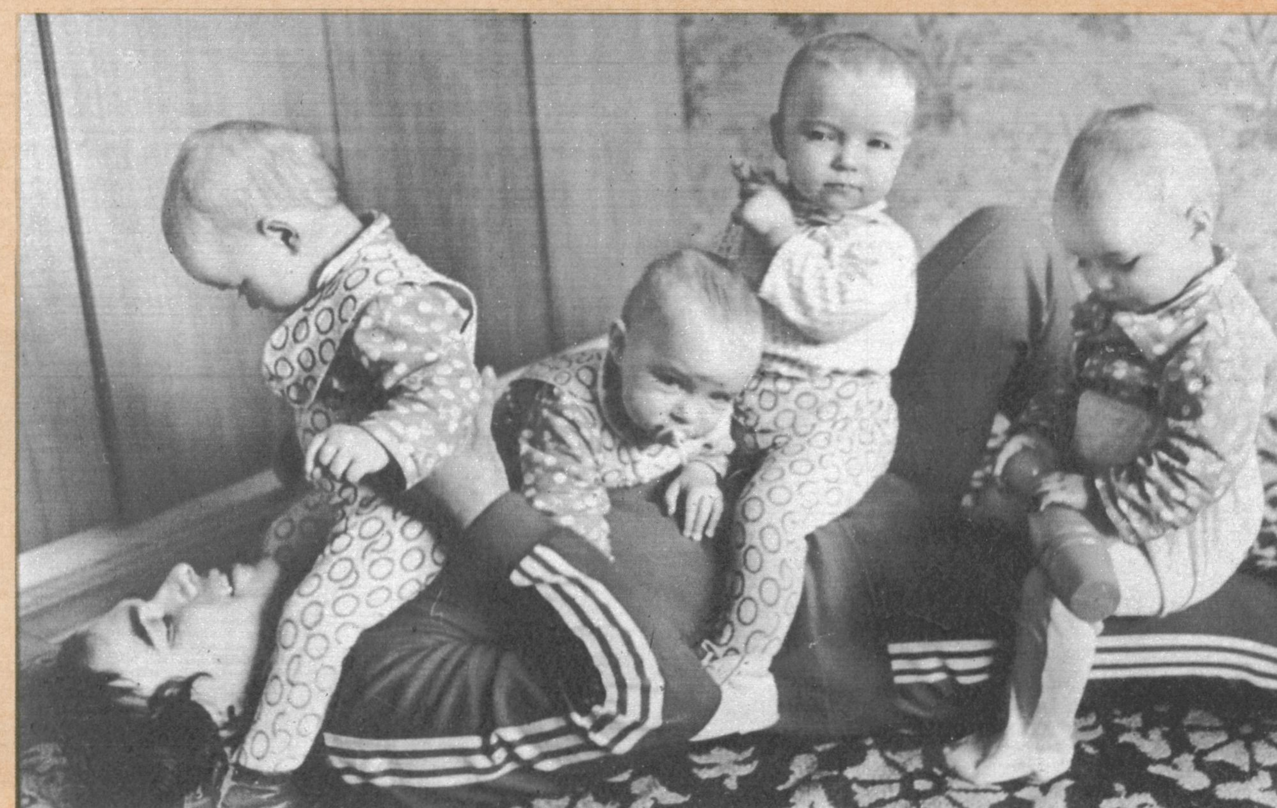
Т О

П - Т О П ...

го, семь дверей — такую большую квартиру подарил молодой семье Шашковых Моссовет,— но они закрыты для любопытных детских глаз. Без взрослых в другие комнаты не проникнуть, кроме, пожалуй, Юлькиной, старшей сестры. Туда — пожалуйста, там игрушки, и, пока Юлька в детском саду, можно понянчить ее любимую куклу в голубом шелковом платье.

В сопровождении бабушки можно еще совершить путешествие в гостиную, где бывает музыка, к которой девочки далеко не равнодушны, и на кухню. Тут особенно интересно. Тут выскакивает из домика на стене птичка: «Ку-ку!» Только сестренки навострят ушки, как она уже спрячется.

— Ах! Ах!..— вздыхают малышки, а Маша даже, бывает, разревется. Их лексикон, увы, не так богат, чтобы выразить огорчение, но понимают они довольно много слов. Например, такие:

— А теперь пойдем гулять,— объявляет мама, Евгения Николаевна.

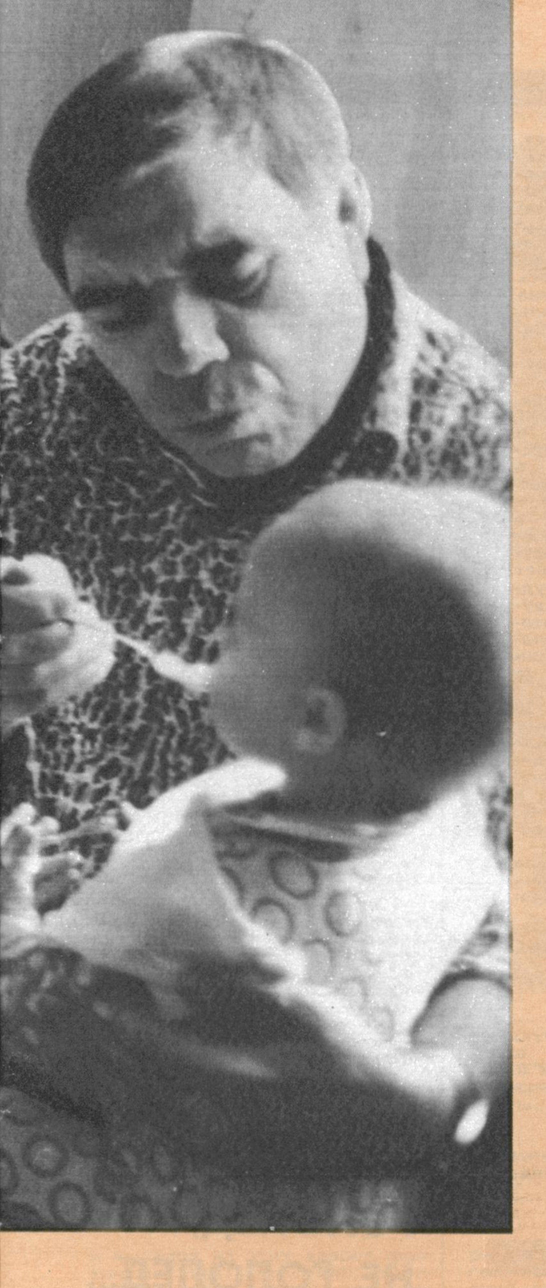
Девочки уже знают, что в таких случаях полагается делать: дружно разбирают ботинки. Одеваться и раздеваться — их любимое на данном этапе занятие.

Прогулка предстоит пока не дальняя — через мамину комнату на балкон. Он такой просторный, что можно даже побегать.

Через дорогу, точнее эстакаду над автомобильной трассой, сияет огнями школа-десятилетка. В ней будут учиться дети Шашковых. Рядом со школой спортивный комплекс «Битца» — тоже для них, когда подрастут. Еще дальше — универсам под серебристой трапециевидной крышей. Снова эстакада — и вот уже вестибюль стан-

ции метро «Чертановская». Все тут недалеко. И Юлькин детский сад, в который будут ходить девочки. Он с противоположной стороны их дома. До него совсем рукой подать — каких-нибудь тысяча детских шажков. Топ, топ, топ...

Человек встал, человек идет. Перед ним вся дорога его жизни. И хорошо, что она так хорошо начинается.

«ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ...»

Мы — офицеры запаса, политработники, мобилизованные в конце 1941 г. в Якутске, Иркутске, Чите и других городах,— проходили обучение на курсах политсостава в Иркутске. И вот за две недели до отправки на фронт мы услышали по радио слова замечательной песни В. И. Лебедева-Кумача «Священная война»:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Мы решили быстро выучить эту песню, взять ее, как говорится, на «вооружение», но все попытки найти текст и ноты были безуспешными. Тогда мы организовали в казарме дежурство у репродукторов, чтобы записать слова. Через неделю все курсанты знали песню наизусть. Ее пели в казарме, в походах.

Наступило время отъезда. В новом обмундировании, подтянутые, вышли стройной колонной молодые офицеры-сибиряки, и сразу грянула песня. Мы шли через весь город, и песня звучала как гимн, перекатываясь волнами по всей колонне, от роты к роте, и всем и каждому казалось, что вместе с песней мы даем клятвенное обещание биться до победного конца, умереть, но не отступить.

А на тротуарах от казарм до вокзала в этот солнечный день стояли толпы горожан, они вышли проводить нас. Люди были суровы, молчаливы, некоторые со слезами на глазах.

С этой песней проходили мы и по улицам Омска, Свердловска, Перми, других городов. Наш эшелон прибывал к конечному пункту, в город Елец. Армейские политработники из Сибири поступили в распоряжение политуправления Брянского фронта. Фашисты, вероятно, из агентурных данных знали об этом необычном эшелоне и готовились разбомбить его на железнодорожной станции. Однако командование фронта, видимо, предупрежденное об этом, распорядилось разгрузить эшелон на соседней станции. Бомбовый удар не достиг цели.

Ну а песня?! Она осталась со мной на всю жизнь.

Ю. ШАФЕР, профессор, директор Института космофизических исследований и аэрономии Якутского филиала СО АН СССР, гвардии майор в отставке

Якутск.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Дуне Ступаченко было 9 лет, когда она осталась без родителей. Это было в 1933 году. Воспитывалась в детском доме. Потом ее взяли в свою семью жившие в Валуйках молодые супруги Семен Дмитриевич и Екатерина Васильевна Федосеевы, у которых потом родилось еще пятеро своих детей. Дуня окончила педагогический техникум и уехала работать на Север.

Началась война, фашисты оккупировали Валуйки, и связь с Федосеевыми прекратилась. Долгие годы они искали друг друга — Дуня Ступаченко и Екатерина Федосеева. Безуспешно! Федосеевы уехали в другой город, а Дуню послевоенные пути-дороги привели в Хабаровский край. И вдруг в январе нынешнего года Федосеева получает письмо: «Здравствуй, дорогая мамочка. Пишет Дуня, которой Вы в самое трудное время отдавали свое душевное тепло и в судьбе которой приняли участие, граничащее с геройством. Целую Ваши руки. Низкий поклон Вам за ласку и доброту.

Сейчас я уже на пенсии. 36 лет простояла за учительским столом и всегда свой первый урок первого сентября посвящала Вам. Я рассказывала своим ученикам, внуку, дочери о Вас и о Семене Дмитриевиче. Вы помогли мне, круглой сироте, встать на ноги».

Спустя сорок лет, в апреле нынешнего года, мать и дочь встретились. Счастливой и радостной была эта встреча.

О. ШАПОВАЛОВА

Валуйки,
Белгородской обл.

ФУТБОЛ ИЗ ДЕТСТВА

В «Огоньке» № 10 за 1984 год в заметке «Школа и физкультура» я рассказал о том, как в одной из средних школ решается проблема организации физкультуры и спорта при помощи родителей и общественности. Сейчас хотелось бы продолжить этот разговор, остановившись лишь на футболе.

Известно, что все наши знаменитые футболисты — Федотов, Бесков, Старостин, вратари Хомич, Яшин и многие другие — в большой футбол пришли из дворовых команд.

Мне хотелось бы рассказать, как в нашем поселке проводится работа в дворовых командах, чего достигли тренеры и ребята.

В поселке живут труженики Славянской ГРЭС, строители, автомобилисты, геологи, рабочие совхоза, работники торговых, учебных заведений. Детей и подростков — свыше трех тысяч. Конечно, одного стадиона ДСО «Авангард» и детского сектора ДК СлавГРЭС недостаточно, поэтому по просьбе родителей была открыта комната школьника, а в одном из кварталов поселка клуб «Луч».

Здесь сразу же нашлись желающие играть в футбол и нашлись добровольные тренеры-наставники: активист клуба «Кожаный мяч» Николай Задирака, комсомолец Александр Кузьменко.

Им помогают родители, общественность. Например, отец 14-летнего Саши Грунского, Николай Иванович, водитель грузовой автомашины, сам в юности был футболистом, играл в

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

В № 31 было опубликовано письмо Н. Кисеевой, в котором она жаловалась на почтовых работников, нерегулярно доставляющих ей журналы. После публикации этого читательского письма редакция получила ответ заместителя начальника Ярославского почтамта А. К. Герасимова, в котором он сообщил, что случай с пропажей журналов был обсужден в 54-м отделении связи. №№ 6 и 7 «Огонька» вручены тов. Кисеевой. За проявленную нетактичность почтальона ей принесены извинения.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ГОЛОЛЕД, НЕ ГОЛОЛЕД...

В журнале «Огонек» № 5 под рубрикой «Полемические заметки» опубликована статья А. Рубинова «Защитите пешехода». Очень нужный материал, но в нем не сказано еще об одной опасности, связанной с тротуарами, вернее, с их отсутствием. Строительство жилых домов идет огромное. Это хорошо. Но почему во многих новых районах дворы, по существу, представляют собой проезжие дороги между корпусами, а входов

ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ К ГОЛОСУ БЕРЕЖЛИВЫХ

ЗАМОК НА ДВЕРИ

Как вы думаете, удобно нататься по городу с металлоломом, да еще с пересадками с одного автобуса на другой?

И, конечно, каждый здравомыслящий человек скажет, что неудобно. А вот у нас в Омске думают иначе. Мало этого, подобный совет мы получили сразу от нескольких организаций.

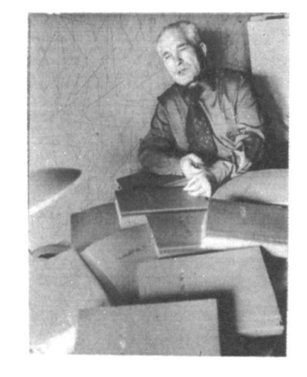
Дело в том, что мы пожилые люди, пенсионеры, привыкшие смолоду беречь народное добро. Вот и сейчас три хозяина из нашего дома собрали металлолом и решили сдать его государству. Да не тут-то было. Сначала обратились в школу, но нам ответили: «У самих весь двор захламлен, пионеры собирали, а вывозить некому». Потом пошли по приемным пунктам «Вторсырья» нашего района, они оказались все на замках. Пожаловались в «Омскую правду» и получили ответ заместителя управляющего трестом «Вторсырья» Р. Н. Болдыша, в котором он посоветовал искать пункт, на котором нет замка, а транспорт частным лицам для вывоза металлолома не предоставляется.

Поиски продолжаем; но вот что нас смущает: пустят ли нас со старым железом в городской транспорт?

М. А. НАУМОВ

Омск.

От редакции. Очень бы хотелось, чтобы на вопрос пожилых людей, ратующих за сохранение народного добра, ответили руководители треста «Омсквторсырье», в обязанности которого, как нам кажется, и входит забота о вторичном использовании металлолома, в том числе и об организации помощи населению в его сборе.

КОЛЛЕКЦИОНЕР БЕЗ КОЛЛЕКЦИИ

МАГАЗИН ВЕРНУЛ ДЕНЬГИ

Делать подарки всегда приятно. А уж если речь идет о таком серьезном и долгожданном подарке, как меховая шуба, тем более радостно. Так думал житель Ташкента С. Бобров, выбирая шубу для жены. Но радость была преждевременной. Придя домой, жена со свойственной всем женщинам дотошностью обследовала покупку по всем правилам. Мех оказался явно с браком. Но то, что было очевидно для супругов Бобровых, работникам магазина было не понять. Все попытки доказать свою правоту оказались безуспешны. Вот тогда-то С. Бобров и пожаловался в редакцию. Началась переписка.

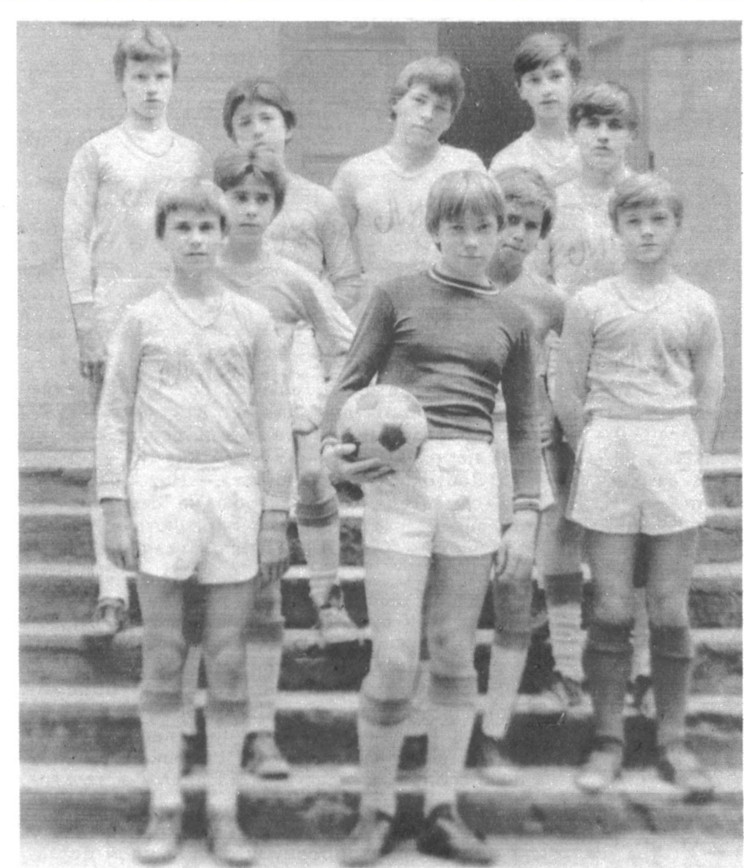
Прошло немного времени, и мы получили вот такое письмо:

«Сердечно благодарю редакцию за оказанное содействие в моей, может быть, незначительной просьбе. После вашего письма в управление торговли Ташкентского горисполкома мою шубу взяли на экспертизу в ОТК и, признав качество ее негодным, возвратили полностью стоимость шубы.

С. БОБРОВ».

Ташкент.

«ОГОНЕК» ПОМОГ

Юные футболисты клуба «Луч».

«Шахтере» и поэтому не только одобряет посещение сыном клуба «Кожаный мяч», но и бывает на тренировках. Частыми гостями бывают тут отцы и других ребят, «болеют» за свои команды.

В соревнованиях на приз Кубка «Кожаный мяч» три группы клуба «Луч» заняли первые места. Так во взаимодействии семьи и общественности растут и воспитываются юные футболисты.

Мих. ЗАПЕВАЛОВ

поселок Николаевка,
Славянская ГРЭС.

и выходов из этих дворов фактически нет? Например, комплекс жилых зданий по Ташкентской улице под номерами 2, 4 и 6. Во все корпуса вход со двора, а тротуаров нет, есть только две проезжие дороги, так что пешеходу надо пробираться к подъезду в потоке машин. Дом № 6 — это школа № 328, и в нее дети могут пройти только по проезжей дороге (разумеется, если не воспользуются проломами в заборе школы). Почему же рядом с автомобильными подъездами во дворы не предусмотрено строительство тротуаров?

Такое же положение во дворе по другую сторону улицы, где, кстати, располагается детский сад, к которому путь тоже лежит только по проезжей дороге. Состояние этой дороги никого не интересует: гололед не гололед, добираются по ней родители, а то и престарелые бабушки с детками-малютками, лавируя между автомашинами. Этакие пешие слаломисты-физкультурники.

Мне кажется, что положение требует экстренных мер по защите здоровья пешеходов в Москве и других городах.

Л. ГРОМОВА

Москва.

Когда я впервые переступила порог скромного московского дома А. Ф. Матвеева, невольно оглядываясь по сторонам, не нашла в нем ничего, что хоть как-то свидетельствовало об увлечении хозяина квартиры, увлечении, о котором много слышала.

— Где же ваша огромная коллекция,— обратилась я к Андрею Филипповичу,— может быть, я ошиблась адресом?

— Нет, нет, действительно, коллекционирование — моя страсть,— улыбаясь, начал свой разговор А. Ф. Матвеев.— Почти сорок лет я собираю самые разные предметы, начиная с предметов старинного крестьянского быта, марок, монет, часов, старинных вышивок и кончая наборами купюр современных денежных знаков, которые, я убежден, тоже станут когда-то исторической реликвией.

Всего в коллекциях А. Ф. Матвеева 26 тысяч экспонатов. Где же все они? Дело в том, что инженер-испытатель, участник Великой Отечественной войны Андрей Филиппович — человек совершенно бескорыстный, скромный — считает, что истинный коллекционер не должен хранить свои коллекции дома. Все, что он собрал за долгие сорок лет своего коллекционирования, Матвеев передал в 110 музеев. И сегодня в его доме остались лишь альбомы, в которых собрана переписка с этими музеями, составлена подробная опись переданных людям экспонатов.

Сам Андрей Филиппович родом из Спасского района Рязанской области. В 1971 году он приобрел в селе Перкино небольшой домик на берегу реки Прони, который позже передал в дар родному колхозу «Красный маяк», организовав в нем сельский музей. Но по-прежнему страстный коллекционер Андрей Филиппович приезжает каждое лето в колхоз, собирает по деревням Рязанщины предметы домашнего обихода крестьян: тут и прялки, станки для ткачества, керосиновые лампы, сохи, бороны, домашняя утварь. Около двадцати тысяч предметов крестьянского быта передал он в дар Рязанскому музею. Даже сад, выращенный собственными руками, подарил он местным школьникам.

В. МАКСИМОВА

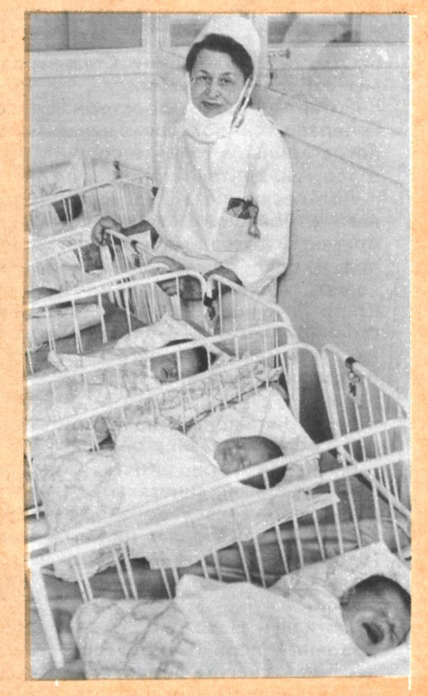
Фото А. Козьмина

Если бы я был Дедом Морозом...

Л. С. САЛМИНА,
врач-акушер роддома № 6 имени Н. К. Крупской

— По справедливости,— говорит Лидия Сергеевна,— нашему роддому надо было бы присвоить другой номер — первый. Ведь в самом деле, он был первым в Москве. Открыл его в 1906 году доктор А. Н. Рахманов. Это было образцовое по тому времени и, главное, бесплатное медицинское учреждение. А я здесь работаю без малого тридцать пять лет. За сутки принимаем от 12 до 25 новорожденных. И каждый раз остро ощущаю, что присутствую при чуде. Ответственность очень велика. Что говорить, ведь в критическом, экстремальном состоянии находятся две жизни, их судьбы буквально в твоих руках, вот и волнуешься словно впервые.

— Ну, с вашим-то опытом, Лидия Сергеевна...

— Опыт опытом, а двух похожих родов не бывает.

— Ваша работа, Лидия Сергеевна, насколько я понимаю, представляет собою редкое сочетание высокоинтеллектуального и тяжелого физического труда.

— Совершенно верно. Но, к счастью, и к тому и к другому меня подготовил отец, машинист. Он собрал в доме прекрасную библиотеку и приучал нас, детей, работать и головой и руками.

— Если бы вы были Дедом Морозом...

— О, я бы подарила каждой однодетной маме еще две колыбели с намеком: «Продолжайте, мама, пока молоды и здоровы, в том же духе, у вас это хорошо получается». И в самом деле, милые мамы,— смеется Лидия Сергеевна,— рожайте на здоровье!

В. С. ПОПОВ,
художественный руководитель хора мальчиков Московского государственного хорового училища имени А. В. Свешникова и Большого детского хора Всесоюзного радио и телевидения

Получив волшебный и всемогущий жезл Деда Мороза, я сразу бы установил полный мир на земле, снял бы напряжение, от которого страдают прежде всего дети. Я как «многодетный отец» (600 детей хора Всесоюзного радио и телевидения, 150 мальчиков училища имени А. В. Свешникова плюс двое дома) это особенно остро ощущаю. Но, не дожидаясь чуда, мы стараемся сделать все для создания дружественной атмосферы в мире. Наше училище постоянно приглашает ребят из других стран, сами ездим с концертами за рубеж. Сейчас готовимся к встрече мальчиков из ГДР, Чехословакии, Франции, Голландии, и если все пройдет успешно, то можно считать, что и мы вбили маленький гвоздик в мост дружбы между народами.

РАССКАЗ

Новогодний подарок

Алексей ГОЛИКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Отметить годовщину Сталинградской битвы мы собрались, как всегда, у Пети Засорина. Квартира у него просторная — генеральская. Генералом и большим начальником он стал после войны, а тогда, в сорок втором, был, как и все мы, лейтенантом, летчиком.

Лет десять назад на встречах однополчан у него в большой комнате отворяли двери в другую, тоже немалую, составляли пять столов и едва размещались в великой тесноте. Теперь уселись за одним. Последним прибыл Костя Романов. В боях за Будапешт ему прострелили ноги, и он шагал, тяжело опираясь на руку жены, бывшего сержанта роты связи Валентины Павловны, Валюши, как мы ее называли.

— Вот привела к вам своего гордого сокола,— смеясь, сказала она.

Раньше и верно Костя был гордым соколом. Стройный, синеглазый, златокудрый, летал прекрасно, воевал дерзко, расчетливо. Я у него в экипаже вторым пилотом был. Валя шутя говорила, что муж — подарок ей от Деда Мороза и что этот подарок ей прямо с неба свалился.

...В канун Нового, 1943 года наш бомбардировочный полк базировался в небольшой, занесенной снегом деревне. Сразу за ее околицей начиналось летное поле, которое ежедневно тракторы укатывали тяжелыми катками. В разных концах летного поля, рассредоточенные, под белыми маскировочными сетями стояли бомбардировщики. Чуть в стороне, за оврагом, размещалась прикрывающая нас зенитная батарея. Ее выкрашенные белой краской пушки настороженно смотрели в зимнее небо. Отсюда мы летали на Сталинград, а когда армию Паулюса окружили, стали бомбить дивизии Манштейна, идущие ему на помощь.

Настроение в полку было приподнятое: грандиозное поражение немцев под Сталинградом становилось неизбежным. Мы, конечно, слушали сводки Совинформбюро, но, главное, своими глазами видели: танковые армады Манштейна остановлены, его войска отступают, с воздуха хорошо просматривались брошенные в заснеженных степях вереницы разбитых орудий, грузовиков. Особенно хорошо были видны закопченные коробки немецких танков с почерневшим возле них снегом. А их было много, много...

Знали мы и тяжесть своих потерь. Часто к нам, в большую избу, где раньше был клуб, а теперь жили летчики, приходил всегда подтянутый и щеголеватый адъютант эскадрильи лейтенант Гриша Богомолов. При общем молчании, с нахмуренным лицом, ни на кого не глядя, он забирал личные вещи не вернувшихся с боевого вылета. Потом с их осиротелых коек уносили спальные принадлежности, и койки стояли обнаженные, своими железными скелетами напоминая нам о горьких утратах.

Война шла своим чередом. Были запланированы боевые вылеты и на 31 декабря. Наш экипаж получил задание бомбить железнодорожную станцию в тылу врага. Погода стояла пасмурная, но морозная. Шли к машинам, и снег громко скрипел под унтами. Костя нес с собой гитару. Он прекрасно пел, играл и с гитарой никогда не расставался, даже брал с собой в самолет, прятал за бронеспинку. Говорил, что гитара при всех обстоятельствах может пригодиться.

— Даже если тебя собьют? — спрашивали его.

— Ну что ж! Буду падать с музыкой,— шутил он в ответ.

Предновогодний вылет сложился неудачно: наш самолет подбили зенитки. Линию фронта мы перетянули на одном моторе. Потом и тот отказал. А внизу — заснеженные овраги, обнаженные ветром бугры... Но чуть подальше — о счастье! — точно по курсу небольшая, совершенно ровная площадка. Не выпуская шасси, «на брюхо» посадить машину можно. И, теряя без того малую высоту, Костя потянул к этой площадке. И тут мы увидели человека. Он стоял как раз там, где самолет должен был приземлиться. Мы уже видели, что это солдат, когда Костя в самый последний момент взял штурвал на себя. К счастью, самолет послушался. Он чуть приподнялся, потом плюхнулся в снег и заскользил, вспарывая целину, нагребая перед собой сугроб. Посадка удалась, никто из экипажа не пострадал.

Выскочили мы из самолета, смотрим: что с солдатом? А тот распластался на снегу там, где стоял, и не двигается. Кинулись к нему, поставили на ноги. Слава богу, цел и невредим. Тут Костя в сердцах стал его ругать, не стесняясь в выражениях. Потом спрашивает:

— Что же ты стоял как пень, не мог отбежать в сторону?

— Не могла, я очень испугалась,— ответил солдат, вытирая мокрое от снега лицо.

Тут мы увидели, что это девушка.

— Нельзя так,— смутился Костя,— ведь я бы мог вас убить, такую красивую.

Костя умел быть любезным кавалером.

Солдата звали Валя Акулова. За деревьями размещался узел связи, и она была оттуда. Костя пошел с ней, чтобы сообщить в полк о вынужденной посадке, а экипаж остался у самолета.

Вернулся Костя вместе с начальником узла связи, пожилым старшим лейтенантом, видимо, призванным из запаса. В валенках и полушубке у него был какой-то домашний, совсем не военный вид, а отвислые усы с сединой делали его похожим на доброго пасечника.

— Транспорт за вами пришлют завтра. У самолета выставим охрану, а сейчас пойдемте ко мне,— по-волжски окая, распорядился он.

По дороге старший лейтенант рассказал, что на их участке фронта после ожесточенных боев затишье. Немец уже несколько дней не летает, поэтому он разрешил связисткам встретить Новый год. И, словно оправдываясь, пояснил:

— Тяжело им на фронте. Мужикам тяжело, а девушкам втройне. Обрадовались, как маленькие. С вечера волосы на бумажки накрутили, и сегодня все завитые. С утра форму нагладили и получили подарки от тружеников тыла: кисеты, мужские теплые рукавицы и письма от девушек бойцам. Но все равно остались довольны. Говорят, что у них будет новогодний бал. Вас, конечно, на этот бал приглашаем. Вот только с харчами неважно. Праздник, а опять привезли надоевшие пшенный концентрат и соленую треску.

— Приглашение принимаем с благодарностью,— за всех ответил Костя и добавил: — Вот моя гитара и пригодится.

В назначенный час мы прибыли на бал. Связистки жили в кирпичном доме, половину которого начисто разрушила бомба. Но другая половина каким-то чудом осталась целехонькой. Поднялась метель, и мы, запорошенные снегом, через обитую клеенкой дверь вместе с клубами морозного пара вошли в просторную кухню. Было тепло. Топилась плита, на ней в солдатских котелках подогревалось новогоднее угощение — пшенная каша с отварной треской. Окна для светомаскировки были завешаны плащ-палатками. В одном простенке висело лопнувшее пополам зеркало, в другом плакат: Чапаев у пулемета. На длинном столе, сбитом из свежеструганых досок и покрытом чистыми простынями, стояли жестяные кружки с фронтовыми ста граммами, лежал черный хлеб, нарезанный тонкими ломтиками.

— Девушки! — сказал Костя.— Нас к вам прислал сам Дед Мороз, чтобы не скучали.— И поставил на стол большую парашютную сумку с аварийным бортовым пайком, взятым с самолета.

Под восторженные «охи» и «ахи» связистки доставали из сумки копченую колбасу, масло, галеты, мясные консервы, сгущенное молоко, плитки шоколада "Золотой ярлык", пакетики с тонизирующими конфетами «кола», объемистую флягу со спиртом. Стол обрел праздничный вид. Рассаживались за него весело, шумно. Командовала «парадом» старшина, девица, крепко сбитая, с властным взглядом и румянцем во всю щеку.

— Нас много, а летчиков мало,— смеялась она,— разделим поровну, чтобы каждой досталось,— и указала, кому где садиться. Возле себя сразу усадила бортмеханика Борю Чубыкина, добродушного черноглазого силача с густыми, словно тушью наведенными бровями. Как-то на спор он один снял с грузовика и отнес к самолету двухсоткилограммовую бомбу. Боря сиял и умильно, как кот на сало, посматривал на старшину: он ценил в девушках монументальность.

Да и все мы были в восторге от своих соседок. Связистки, молоденькие, в кирзовых сапогах с широченными голенищами, в выгоревших, много раз стиранных гимнастерках, в ту новогоднюю ночь были для нас неотразимы, и от них чудесно пахло земляничным мылом. Это расстаралась старшина, выпросила к празднику у начальника тыла дивизии.

Бортрадист Юра Ботников торжественно произнес: «Внимание!» — и, когда все притихли, начал священнодействовать: разбавлять спирт водой.

— Это будет авиационное шампанское,— с серьезным лицом говорил он,— специально для дам! Райский напиток, ангелам, и то лишь за ночные полеты, наливают по сто граммов.

Юра до войны был студентом-химиком. Учился только на «отлично», готовился стать ученым. Он больше всех в эскадрилье получал писем из дому. Рос без родителей, у бабушки, и та писала ему ежедневно. И в каждом письме просила остерегаться простуды. Юру мы шутя называли Менделеевым и всегда поручали ему разбавлять спирт.

А штурман Веня Севастьянов уже вполголоса читал стихи своим соседкам — пышной блондинке и не менее пышной брюнетке. Он обращался то к одной, то к другой, не зная, которой отдать предпочтение. Веня весь словно кусок пламени: огненно-рыжие волосы, рыжие брови, рыжие глаза, рой веснушек на лице и ослепительная белозубая улыбка. Вероятно, и сердце у него было рыжее — горячее, смелое, влюбчивое. Веня любил стихи и сам тайно писал их. Впрочем, об этом знала вся наша эскадрилья. Последнее свое стихотворение он посвятил полковой радистке — Маше «золотые ушки». Так ее звали за отличную работу на рации. Маша была девица видная, избалованная вниманием старших офицеров. Она категорически отвергла стихотворное объяснение в любви. Тогда Веня написал Маше письмо только с одной фразой: «...Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает». Маша опять отвергла. Веня загрустил... Но в новогодний вечер наш штурман, видимо, уже начисто забыл о «разбитом жертвеннике» и пылко ухаживал за своими соседками.

Бал открыл воздушный стрелок дагестанец Саша Гамзатов.

— Командир, сыграй, пожалуйста, лезгинку,— попросил он Костю, снял меховые унты и в одних носках стал танцевать.

Саша был самым юным среди нас, ему едва исполнилось семнадцать. Он пришел в полк добровольцем воевать вместо отца — нашего командира эскадрильи, погибшего в боях под Москвой. Саша привез с собой большой кавказский кинжал настоящей булатной стали, который подарил дед вместе с наставлением не посрамить в бою его седины.

Стройный и гибкий юноша всегда двигался легко, грациозно. «Ты настоящий джигит»,— часто говорили мы ему. «Какой же джигит без кинжала?— смеясь, возражал он.— Почему кинжал нельзя, почему отобрали?!»

Саша очень гордился подарком деда. С кавказским кинжалом на поясе он пошел на свой первый боевой вылет. По дороге на аэродром встретил начальника штаба полка майора Калинина. Худой, плоский, как доска, с немигающим взглядом оловянных глаз, майор был строгим педантом.

— Сержант, ко мне!— скомандовал он и скучным, скрипучим голосом, отчетливо выговаривая слова, стал пояснять, что штатным оружием воздушного стрелка является только пистолет «ТТ».

— Сутки ареста,— наложил взыскание майор.— А кинжал убрать, что вы с ним, на газават собрались, что ли?!

— Почему кинжал нельзя!— возмущался потом Саша.— И при чем тут газават, война мусульман за распространение ислама? Я же комсомолец. Мне дедушка подарил свой кинжал, чтобы я им фашистов резал.

Провожая сорок второй и встречая 1943 год, мы пили за окончательный разгром немцев под Сталинградом, говорили, что полная победа над врагом не за горами. Мечтали... Был даже тост за встречу в поверженном Берлине... А войне суждено было длиться еще два с лишним года. Предстояли жестокие, кровопролитные бои. И, провозглашая тосты, мы не думали, что через неделю воздушный стрелок Саша Гамзатов будет убит в бою с «мессершмиттом», что на Курской дуге погибнет бортмеханик Боря Чубыкин, что в небе Югославии сгорит штурман Веня Севастьянов, а наш Менделеев — Юра Ботников скончается в госпитале после тяжелого ранения...

Но в ту новогоднюю ночь мы были веселы, счастливы. Пели, танцевали и ухаживали за всеми девушками подряд. Все, кроме Кости Романова. Не дожидаясь указания старшины, он сел возле Вали Акуловой и не отходил от нее. Назвав Валю красивой, Костя, на мой взгляд, преувеличил. Девушка самая обыкновенная: худенькая, чуть курносая, волосы черные, как вороново крыло. Вот глаза действительно хороши: большие, светлые, а ресницы длинные, словно стрелы. На фронт пошла добровольцем с первого курса Московского университета.

Наш командир всегда пользовался у девушек большим успехом. В летной столовой все официантки были к нему неравнодушны, даже гордая и суровая Аня Серова, которая ежедневно наливала фронтовые сто граммов. Наш полк входил в состав авиации дальнего действия, сокращенно АДД. Полковые остряки расшифровали это сокращение как слезную мольбу: «Аня, дай добавки». Однако у Ани, как они же говорили, было золотое сердце, но в гранитной оправе — добавки никто не получал. Кроме Кости Романова. Нет, он не просил. Просто подставлял стакан, смотрел на Аню ярко-синими глазами и говорил: «Девушка красивая!— Потом вздыхал и добавлял:— Я бы сказал, очень красивая». В ответ Аня неизменно ласково улыбалась и наливала чуть больше нормы. Впрочем, для Кости это была скорее игра. В пьяницах он никогда не числился.

Перед началом Сталинградской битвы нам посчастливилось три дня прожить в тыловом городе: на заводе меняли моторы у нашего самолета. Разок сходили в клуб на танцы. Костя, конечно, оказался лучшим танцором, неотразимым кавалером. Приглашая на танец, небрежно говорил: «Осчастливьте солдата»,— и девушки млели. Костя знал себе цену, относился к ним свысока.

Но в новогоднюю ночь нашего командира словно подменили. Он пел, играл на гитаре только для Вали, танцевал только с ней и смотрел на нее робко, преданно, нежно. Валя тоже не отрывала от него глаз. Казалось, они видели только друг друга. Никого не слушали, отвечали невпопад. Потом, взявшись за руки, стояли у окна. Метель кончилась, прояснило, чуть отодвинув светомаскировку, они смотрели на холодный месяц, на колючие морозные звезды. И лица у них были просветленные, счастливые.

На другой день за нами прибыл штабной автобус в белых пятнах камуфляжа. Небо опять было в тучах, падал крупный снег. Связистки вышли проводить. И снова Костя и Валя вели себя так, будто они одни во Вселенной. Костя взял Валю за руки.

— Вся моя жизнь без остатка принадлежит тебе,— сказал он.

Валя приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

...Когда кончилась война, Валя приехала в госпиталь и забрала тяжелораненого Костю. С тех пор они не разлучались. Их младший внук, маленький Костя с ярко-синими глазами, твердо верит, что его любимого дедушку Дед Мороз подарил его любимой бабушке в одну военную новогоднюю ночь.

ШЕДЕВРЫ

Приблизился канун Нового года. В минувшие месяцы редакция начала рубрику «Шедевры». Этот пролог вызвал немало откликов, писем. Наиболее ярко выразилось отношение нашего массового читателя в анкетах, разосланных «Огоньком». В подавляющем количестве этот почин одобряется и вызвал интерес. В новом году редакция расширит диапазон «Шедевров», знакомя с лучшими творениями композиторов, литераторов, архитекторов, деятелей кино и театра. Таким образом, расширится и круг авторов, станет разнообразнее иллюстративный и текстовой материал. Думается, что мы получим и от читателей предложения и пожелания о встречах с мастерами искусства и культуры в журнале.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Лев Толстой не раз советовал начинающим литераторам прежде всего обрести «твердое жизнепонимание — веру». Великий писатель с годами постиг неодолимую силу убежденности. Он ведал, что вера и талант способны сдвинуть горы. Создать роман, сочинить симфонию, написать картину. Надо только научиться видеть и понимать свое время. Любить народ, Родину. Это была ясно осознанная мощь мировидения, неодолимая энергия в постижении тайн бытия. Она, эта вера, придавала крылатость фантазии романиста, позволявшей проникать в бездну былого, осязать с небывалой остротой свет и тени настоящего и заглядывать в грядущее.

Художник Иван Крамской в своем портрете отразил кряжистую неохватность человеческой громады Льва Толстого.

Прочно сидит на простом стуле автор «Войны и мира». Тонкая, тщедушная деревянная спинка кажется былинкой рядом с могучим, полным неуемных сил писателем. Бородатый. По-крестьянски расчесаны на пробор черные, чуть тронутые сединой волосы. Чистый, упрямый лоб. Еле заметна трепетная жилка у правого виска — знак постоянного напряжения. Плотно сдвинуты мохнатые брови. У самого переносья глубокая морщина — след тяжких раздумий. Но всмотритесь в глаза. Вам не страшно от этого светлого, спокойного, всепронизывающего взора, способного, кажется, постичь все? В нем скрыто всевластие разума... Лицо его далеко не красиво, ничем особо не приметно, скорее обыденно. Толстой внешне вовсе не похож на именитого графа, владельца большого имения. Скорее он напоминает крепкого, хозяйственного мужика. И если бы не еле заметный отложной воротник и манжеты белоснежной рубахи да своеобразная свободно сидящая на могутном торсе блуза — «толстовка», то, встретив его на проселке, трудно, пожалуй, было догадаться, что перед тобою — гений земли русской.

Чем больше вглядываешься в портрет, зришь крупный нос, окладистую густую бороду, усы, обрамляющие чувственные губы жизнелюба (отнюдь не аскета), тем все больше осознаешь неуловимую сложность граней характера этого человека. Предполагаешь, сколько житейского опыта, знания, умения запоминать и обобщать виденное включал в себя строй души Толстого. Недаром очень многие робели при встрече с ним. Хотя он был достаточно прост и обходителен.

Но эти глаза...

Крамской взял сознательно тот немудреный, спокойный фон, соответствующий одежде, сведя колорит к самым основным, коренным, земляным цветам, дабы подчеркнуть особую, почти нечеловеческую силу этих, казалось, холодных, испытующих и в то же время со скрытой лукавинкой глаз.

Живописцу удалось выразить магнетическую власть всепроникающего взора писателя. Все, все на полотне приводит нас к глазам—центру картины. Даже бегущие складки блузы будто стремятся туда, к этим черным колдовским зрачкам, словно буравящим тебя насквозь. Белый тонкий ободок манжеты. Еле видна массивная рука, покоящаяся на колене. Статична поза. Тишина. Но, как тетива натянутого лука, звенит сама атмосфера холста. Так грандиозна личность модели, что ей будто тесно в золотой раме.

Покатые, широкие плечи сообщают нам о тайной удали, о сокровенных соках, бродящих в жилах писателя. Несмотря на скромность одеяния Толстого на картине, невольно представляешь себе его в другом облачении и вовсе на другом фоне, в ином интерьере. Но суть все равно остается одной. Это ни на миг не прекращающаяся р а б о т а д у ш и. Бессонная. Колоссальная собранность. Борьба с самим собой. И прежде всего неутолимое, вечное, не сравнимое ни с чем желание рассказать, рассказать людям, поделиться с ними тем, что разрывает, томит его сердце, о чем он не может молчать и хочет поведать человечеству ту правду, которую пытается постичь.

Самое поразительное в портрете — ощутимые, хотя и глубоко скрытые, тайные сомнения, владеющие моделью. Вечное, непрекращающееся — несмотря на славу и успехи,— терзающее душу самоиспытание. И как результат столь сложного процесса — великая в своей доступности и столь понятная миллионам людей литература.

Живописец на какое-то время будто забыл о себе. Он глядел и слушал, подвергая все внутренней проверке. И с каждым днем все более проникался влиянием Толстого. Но это было не просто. Крамской был похож по складу на Базарова из тургеневских «Отцов и детей». Он далеко не сразу поддался. Вот строки, говорящие об очень многом: «Граф Толстой, которого я писал,— интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, был все время в возбужденном состоянии даже. На гения смахивает...» Вспомните «базаровские» интонации. Скепсис разночинца, таланта из народа, прежде всего верящего в свою звезду, в свой опыт. Вот что слышится в короткой фразе «на гения смахивает». Но, кроме личного обаяния писателя, Крамской не мог забыть, что перед ним прежде всего не граф, не владелец Ясной Поляны, не Павел Петрович Кирсанов из «Отцов и детей», а автор только что изданной эпопеи «Война и мир». Он зрел в уверенном, невозмутимом человеке, позирующем ему, создателя сотен, тысяч живых образов, детей его гениального воображения. Иван Николаевич Крамской зачитывался страницами великого романа. Его потрясал прежде всего размах фантазии Толстого, способного одним пером сотворить нежный, трепетный, чистый облик Наташи Ростовой, простодушный и честный характер Пьера Безухова и рядом отчаянную фигуру Долохова, холодный, эгоистичный, лживый, но и очаровательный и тем более отталкивающий образ Элен Безуховой... Потрясало, как это вдруг совершенно неожиданно возникали рядом с исторически огромными и славными монументами великого Кутузова, Багратиона — маленький, тщедушный, но непоколебимый в своей правде Платон Каратаев или храбрый и благородный капитан Тушин. Все это было почти непостижимо по охвату, по подвигу созидания. Крамской как живописец отлично понимал, что значит написать подобную ф р е с к у, в которой, казалось, вмещался весь мир. Ведь гигантские панорамы Аустерлица или Бородинского сражения никак не могли идти в сравнение с батальными картинами даже самых первоклассных мастеров живописи. В батальных полотнах был лишь блистательный театр, со сверкающими взрывами, стонущими ранеными и победоносными полководцами. У Толстого была сама жизнь. Непостижимая и в то же время неотвратимая, как цепь логически возникающих случайностей. Неумолимых, как сама история рода людского.

Сын письмоводителя из Богучара, дитя своего времени, Иван Николаевич Крамской впитал в себя страстные слова Белинского и Добролюбова. Он стремился открыть в искусстве новь, победить рутину. Ведь это им сказано: «Нужен голос, громко, как труба, провозглашающий, что без идеи нет искусства, но в то же время, и еще более того, без живописи — живой и разительной — картины нет, а есть благие намерения, и только». Крамской почувствовал в созданиях Толстого — поистине ж и в о п и с ь с л о в а. Мир огромный, полный до края страданием и радостью, слезами и смехом, светом и тьмой. И поэтому когда судьба столкнула его с самим писателем, то некоторый ледок предвзятости к личности графа был сломан. Скорее, растаял. Крамской был потрясен этой встречей. Уже много позже он пишет Толстому: «О чем бы речь ни шла, Ваше суждение поражало своеобразной точкой зрения. Сначала это производило впечатление парадокса, но чем дальше я знакомился, тем все больше и больше открывал центральные пункты, и под конец я перед собою видел в первый раз редкое явление: развитие, культуру и цельный характер, без рефлексов».

Обратите внимание на язык и ход мыслей Ивана Николаевича. Это был художник недюжинного ума, способный понять и осмыслить самые сложные проявления жизни. И, думается, напрасно тщатся эстеты, что пытаются превратить живописца-гражданина Крамского в некоего мастера-провинциала, якобы ограниченного и отставшего от передовых веяний Запада. Пустое занятие. Сам культурный слой тогдашней России, общение с крупнейшими поэтами, музыкантами, прозаиками, ныне обладающими мировым признанием, помогали художнику обрести то своеобычное миропонимание — основательное, широкое. Хотелось бы посоветовать почитать письма Крамского. Они о многом поведают.

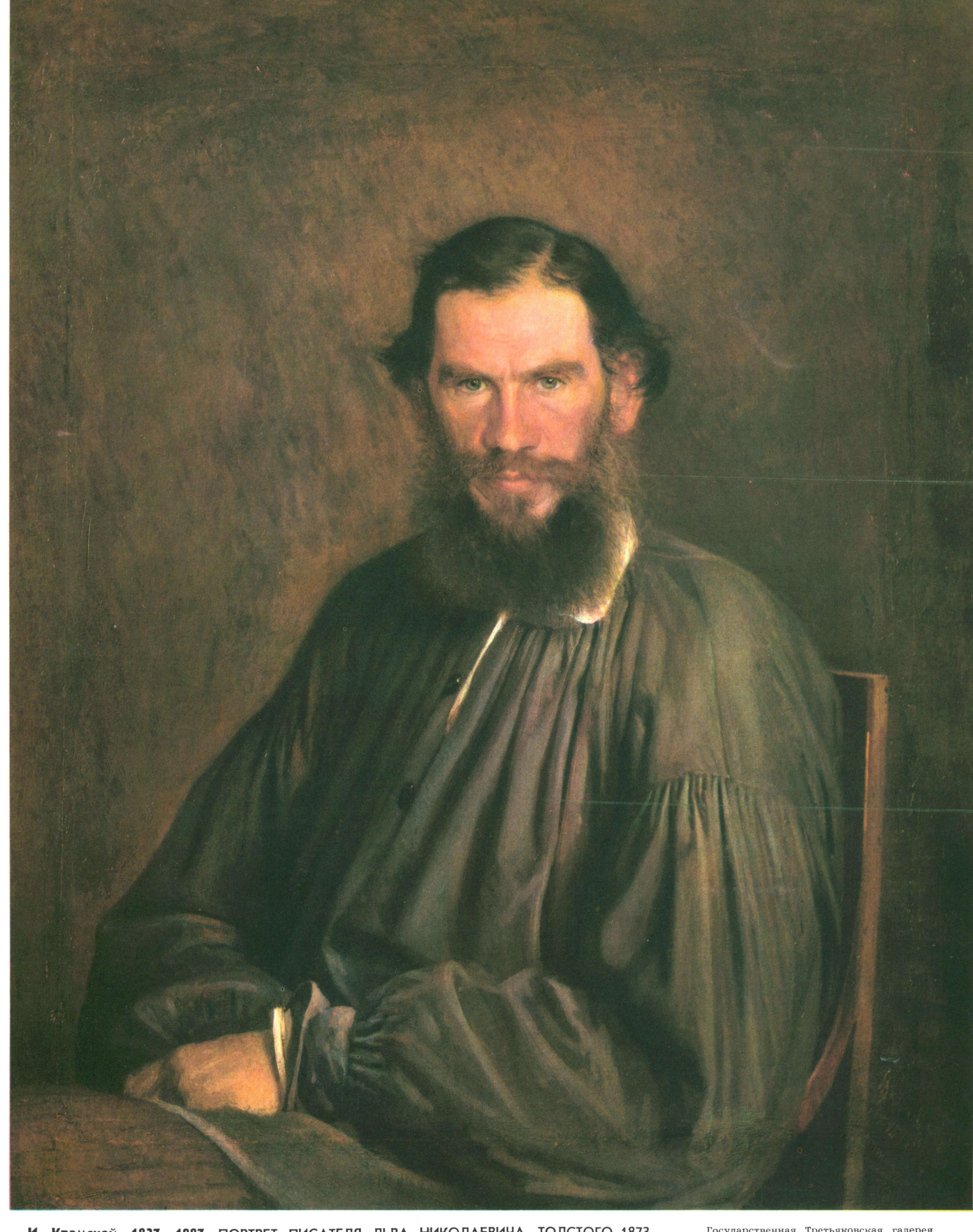
Иван Крамской создал шедевр, ничуть не уступающий европейскому портрету XIX века. Более того, думается, как и портрет Достоевского работы Василия Перова, так и портрет Мусоргского, изображенный Ильей Репиным, эти холсты — бесценный вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Современники высоко оценили «Портрет Л. Н. Толстого». Стасов, как всегда эмоционально, воскликнул: «Крамской... дал тут на свет лучшее свое создание, и то, что так долго ему не давалось, тут вдруг у него очутилось и взяло такую могучую, неожиданную ноту, какую встречаешь у капитальнейших портретистов XVII века». Очевидно, Стасов имел в виду классиков европейской живописи.

История создания «Портрета Л. Н. Толстого» не так проста. Если вы помните, «Огонек» рассказал в одном из предыдущих номеров о трагической судьбе молодого блестящего живописца Федора Васильева. Бесконечно талантливого, смертельно больного. Крамской все время привечал Федора Васильева, помогал ему. В 1873 году Васильев находился на излечении в Крыму и очень нуждался. Средств на жизнь не было. Крамской предложил Третьякову написать портрет Л. Н. Толстого для галереи, а гонорар переслать Васильеву. В ту пору он со своими друзьями Иваном Шишкиным и Константином Савицким снимал дачу близ станции Козловка-Засека, всего в пяти верстах от Ясной Поляны.

Однако замыслу Крамского судьба поставила препоны. Лев Толстой ответил решительным отказом. Позже состоялась длительная, весьма мучительная для живописца беседа. В конце концов граф «уговорился». С одним немаловажным условием,— что будут написаны два портрета. Один из вариантов останется в Ясной Поляне. Дилемма не-

См. «Огонек» №№ 34, 39, 44.

И. Крамской. 1837—1887. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО. 1873. Государственная Третьяковская галерея.

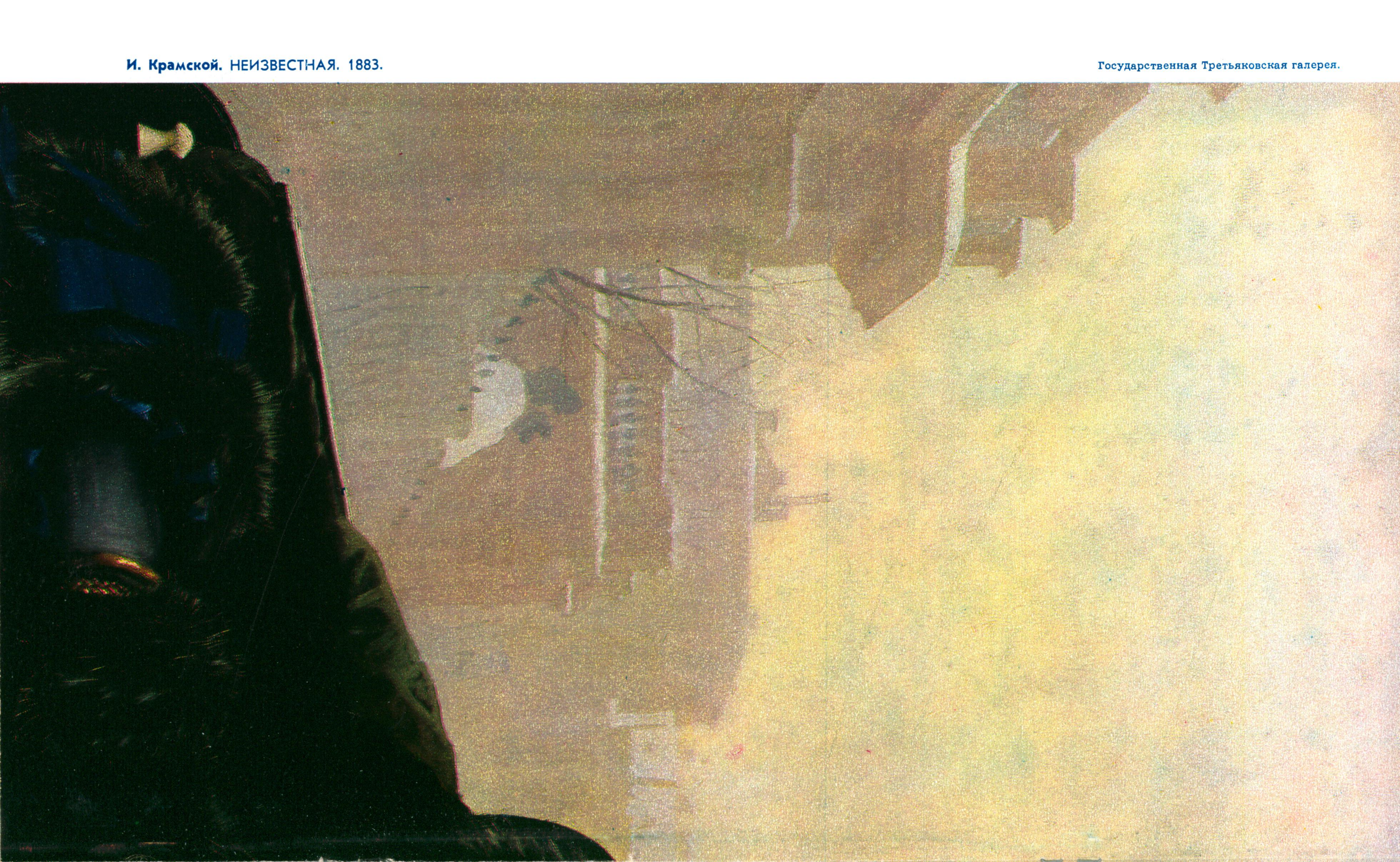

В. Поленов. 1844—1927. БАБУШКИН САД. 1878. Государственная Третьяковская галерея.

В. Васнецов. 1848—1926. СНЕГУРОЧКА. 1899.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Крамской. НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Архипов. 1862—1930. СТАРИК.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Поленов. ЗАРОСШИЙ ПРУД. 1879. Государственная Третьяковская галерея.

В. Серов. 1865—1911. МИКА МОРОЗОВ. 1901. Государственная Третьяковская галерея.

легкая. Но надо было спасать жизнь Федора Васильева. Такова мера благородства Крамского. Высокие этические нормы весьма естественны в художественной среде той поры.

Надо напомнить, что Павел Михайлович Третьяков не приобретал в галерею повторения, даже авторские. Так что перед Иваном Николаевичем встала почти уникальная по трудности цель — создать одновременно два разных портрета. Одинаково качественных. И Крамской с блеском выполнил эту задачу.

В пору создания портрета, летом 1873 года, Лев Толстой уже размышлял об «Анне Карениной», был полон ее образами. Возможно, и в его беседах с Крамским проскальзывала сюжетная канва, тема романа. Известно, что мимо глаза Толстого ничего не проходило даром. Так, в «Анне Карениной» возникает художник Михайлов, в чем-то схожий с Крамским, «одним из диких новых людей... вольнодумцем». Писатель весьма дружелюбно создает облик живописца, которому удается воспроизвести «душевное выражение» героини романа. Все это подчеркивает близость взаимного общения художника и писателя. И если начало его было для Крамского обидным, то время и такт Толстого, а главное, художническое умение и глубина Крамского сблизили их. Это подчеркивает любопытная деталь. Софья Андреевна пишет мужу в октябре 1885 года из Москвы в Ясную Поляну: «Сейчас только был Крамской и очень жалел, что тебя не застал. Такие люди — это как свет блеснет среди мрака и тьмы... Вот умен-то и все понимает...» Лучшей аттестации трудно было дождаться.

Ровно через десять лет после создания «Портрета Л. Н. Толстого» Крамской пишет «Неизвестную», картину, вызвавшую много кривотолков и споров. Ретивые перья находили некий глубокий, скрытый смысл в этом полотне, называя «Неизвестную» «исчадием больших городов».

Боюсь навлечь на себя гнев специалистов, поддерживающих ныне эту странную точку зрения, но думается, что весь публицистический пафос подобных оценок абсолютно не находит пластического подтверждения в полотне Крамского. Более того, мне представляется, что образ женщины полон достоинства. Он поистине чудесен. В нем нет ни на йоту намека на вульгарность или «дурной тон». Недаром Павел Михайлович Третьяков, охлаждая пыл одного из ниспровергателей картины, писал ему: «Насчет Крамского оговорюсь (речь идет о «Неизвестной» — И. Д.)... в этом много прекрасного».

Сложно сегодня полемизировать с современниками, порою знавшими слишком много или слишком мало и оперировавшими больше сплетнями, чем истинными фактами, но сам холст, созданный Крамским, вызывает ощущение гармонии, благородства. Сам Иван Николаевич был слишком щепетилен и умен, чтобы дать пищу всяким пересудам. Вспомните строки С. А. Толстой, написанные о Крамском. Даже одни они дают возможность предполагать, что живописец никогда бы не позволил себе бестактности.

Картина рисует нам облик привлекательной, гордой и независимой женщины, внимательно, немного свысока взирающей на пеструю столичную карусель. Что-то привлекло ее взгляд.

Невский проспект. В зимней розоватой мге уходит вдаль бесконечная анфилада домов. Строгие линии архитектуры Аничкова дворца. Мороз. Солнцу не удается пробить петербургскую дымку. И в этом колдовски мерцающем свете перед нами возникает силуэт обаятельной дамы. Черты лица глядятся будто сквозь вуаль холодного полутона. Это придает образу особую мягкость и очарование. Дама восседает в коляске. Она чуть откинулась на кожаное сиденье. Синий бархатный костюм. Элегантная шапочка с пушистым страусовым пером. Сам строгий абрис ее фигуры. Тонкая моделировка черт лица — все необычайно деликатно и любовно выписано.

При чем здесь «исчадие»?

Что же касается оценок современников, история искусств знает несметное число самых чудовищных несоответствий. Вовсе не проводя никаких параллелей, позволю себе вспомнить нелепейший случай, постигший обаятельную «Олимпию», которая изображала очаровательную Викторину Меран — натурщицу Эдуарда Мане. Поклонники Салона, сбесившиеся буржуа, окрестили ее «самкой гориллы». Та же участь ожидала милейшую, прелестную «Мадам Самари» Огюста Ренуара, которую буквально испачкали словесной грязью. Ну и что? Лихие борзописцы ушли в небытие, а образы, созданные Э. Мане и О. Ренуаром, — признанные шедевры, ставшие хрестоматийными. Таковы закономерные странности поступательного развития мирового искусства.

Самое комичное во всей истории с «Неизвестной», что шум, поднятый тогда в печати, абсолютно нелеп. Полотно Ивана Николаевича Крамского по манере письма классично. Образ молодой дамы наглядно прекрасен.

И все же... Парадокс, происшедший с «Неизвестной», заключается в том, что холст навлек на себя ярость не своим исполнением, но ложными схемами и недостойными соображениями, вовсе не приличествующими художественной критике. Кстати, это явление бытует давно. Главное, подать «блюдо горячим». А там «хоть трава не расти». Так соображения самые банальные и конъюнктурные подменяют справедливую меру художественности.

Кстати, если рассмотреть первый этюд к «Неизвестной», то становится ясной огромная работа, проделанная Крамским. Ибо первоначальный набросок действительно обыден, даже грубоват. Он мало общего имеет с картиной.

Заранее приношу извинения строгим знатокам истории искусств, но раскрытием сюжета и образа картины могут послужить строки из «Анны Карениной». Это эпизод в театре, в ложе княгини Бетси, когда Вронский рассказывает, как двум офицерам его полка показалось, что обгонявшая их в коляске незнакомая дама им улыбнулась... В конце долгого повествования выяснилось, что красавица оказалась женой титулярного советника, и Вронскому пришлось выручать своих однополчан. «Мы в отчаянии, мы просим простить за несчастное недоразумение». Тем и окончился конфуз.

Никто, разумеется, не собирается утверждать, что «Неизвестная» — суть иллюстрация к эпизоду из «Анны Карениной». Хотя даты написания картины и начала работы над романом совпадают. Но, во всяком случае, оголтелые критики «Неизвестной» со временем оказались примерно в том же положении, как и проштрафившиеся друзья Вронского. Разница одна. В романе вымысел, а случай с «художественной» критикой — печальное недоразумение. Словом, реальность.

«Неизвестная» — ныне одна из наиболее популярных картин Третьяковки. Около нее всегда много молодежи, разглядывающей образ вековой давности. Ибо в картине с большим тщанием отражено время, характер, изящно моделирована форма.

Что же касается пресловутых знатоков, которые доныне причисляют Ивана Крамского и других художников его круга к «иллюстраторам» и «провинциалам», то поверьте, той публике не угодит никто, кроме них самих. Это установлено многолетним опытом развития большого искусства.

Ахтырка близ Абрамцева. Здесь в 1880 году жил Виктор Васнецов. Он работал в ту пору над своей знаменитой «Аленушкой». Писал этюды чудесной природы в окрестностях Абрамцева. Здесь судьба свела его с кружком Мамонтова. Именно сюда частенько приезжали и подолгу гостили Илья Репин, Василий Поленов, Василий Суриков, Константин Коровин, Михаил Врубель, Михаил Нестеров. Собирались, вечерами слушали сказителей древних былин. Восхищались народными певцами. Читали вслух Тургенева, Пушкина, Фета. Словом, в Абрамцеве царил дух преклонения перед великой культурой Руси.

Виктора Михайловича Васнецова сразу очень полюбили. В этом коренном вятиче быстро почувствовали своеобычного, почти сказочного мастера. Могучего и в то же время нежного, наполненного какой-то неподдельной, цельной, доброй романтикой вечно юной Отчизны. Именно для него построил Мамонтов просторную светлую студию, где художник начал писать свой огромный холст «Богатыри». Творил его неотрывно. Год, другой, приводя всех в удивление своим неистовым и радостным трудом. Картина была уже почти готова. Друзья восхищались ею. Но Виктор Михайлович не спешил показывать ее на выставках, несмотря на уговоры близких. «Нет, подожду»,— говорил он. В этой неспешности — совестливость души живописца и богатырская хватка истинного мастера. Автор хотел достичь впечатления подлинности былинного чуда. В его ушах звучали слова Гоголя, который писал: «Здесь ли не быть богатырю — когда есть место где развернуться и пройтись ему». Это волнующее художника, возвышенное, эпическое ощущение Родины не покидало его весь долгий срок созидания картины. Он чувствовал душой огромную, тяжкую ответственность. Желание спеть ярче, чище, светлее песнь о любимой Родине, ее народе. И святое, гражданственное устремление не позволяло Виктору Васнецову скомкать, смять эту задачу. Раньше времени он не смел остановить бег воображения.

Вот воистину пример подлинно творческого отношения к своему детищу. Об этом стоит сегодня подумать некоторым любителям скороспелых и сырых полотен. А ведь условия для создания этапных, глубоких, серьезных станковых картин ныне ничуть не хуже, чем у того же Василия Сурикова, который писал «Боярыню Морозову», поставив колоссальный холст в маленькой мастерской и разместив картину по диагонали помещения. А ведь теперь мастерские за сто квадратных метров не редкость.

Но вернемся в Абрамцево. Душой известного нам кружка был Савва Мамонтов. Он, по словам К. С. Станиславского, «интересовался всеми искусствами и понимал их». Чувство меры, ощущения стиля, преданность отечественной культуре помогали Савве Ивановичу создать атмосферу, где расцвели такие таланты, как Виктор Васнецов, Михаил Врубель, Валентин Серов, Исаак Левитан.

Однажды решили поставить «Снегурочку» Островского. Древнерусский фольклор. Языческий пантеизм. Наивная прелесть обитателей Берендеева царства. Вся добрая народная поэзия будто выпелась в эскизах Виктора Михайловича к этому спектаклю. Это было новое открытие мира старины. Идею «весенней сказки» претворило сердце большого художника. Словно ожили Снегурочка, Лель, Весна, озаренные Ярилом — Солнцем.

В этих работах мастера сказались его великолепный опыт и знание архитектуры, народного творчества русского Севера, а им, в свою очередь, способствовало стремление абрамцевского кружка к собиранию предметов русской старины. «Во всех этих донцах, вальках, с бесхитростными надписями «кого люблю — того дарю», в ларчиках, в коньках на крышах» было что-то свежее. Виктор Михайлович не копировал, он создавал небывалый новаторский стиль. Его прекрасные акварели воплощали наивные грезы о прелестном, радостном, безоблачном бытии. Певуч, красочен, мажорен язык его творений. Взгляните на фасад Третьяковской галереи, построенный по его эскизам, и вы поймете правду таланта Виктора Михайловича.

Игорь Грабарь свидетельствует: «Васнецов своей постановкой «Снегурочки» в половине восьмидесятых годов произвел такое огромное впечатление на всех, что многие только и бредили русскими мотивами. В моду стал входить русский узор, кустарные изделия, молодые художники... усердно изучали... старинную резьбу, набойки и вышивки».

В самый канун нового, XX века Виктор Васнецов пишет станковую картину маслом. Это был 1899 год.

«Снегурочка»... Зима. Ночь. Луна озаряет сугробы. Темный лес. На серебристую поляну выбежала девушка. Хрустит морозный наст. Пушистая шубка, шапочка с меховой опушкой. Теплые варежки. Милое девичье лицо залито голубым сиянием. В лучистом свете, словно живые, дрожат малые ели, трепещет юная, тонкая березка. Мерцают в глубокой седой бездне, словно светлячки, огни Берендеевки. Чары русской сказки грели душу художника. Васнецов воплотил поэзию и прелесть родной природы в этом небольшом холсте.

Велика роль сердца, наполненной души мастера, если он искренне любит... и умеет.

Василий Дмитриевич Поленов. Художник редкого дарования. Блестящий колорист и композитор. Но все же больше всего он преуспел в области пейзажа. Хотя оставил ряд замечательных жанровых картин, любимых зрителем.

О своем пристрастии к ландшафту, населенному людьми, он пишет своим родителям: «...Я пробовал и перепробовал все роды живописи: историческую, жанр, пейзаж, марину, портрет головы, образа... натюрморт и т. д. и пришел к заключению, что мой талант всего ближе к пейзажному, бытовому жанру, которым я и займусь». Молодой художник не ошибся. Вскоре, вернувшись раньше положенного срока из-за границы, Поленов пишет сразу два шедевра — «Московский дворик» и «Бабушкин сад». Самое феноменальное, что эти разные на первый взгляд полотна написаны почти с одной точки. Вернее, имеют один и тот же адрес: Москва, Трубниковский переулок. Вглядитесь в холст «Московский дворик», и вы заметите слева деревянный ампирный дом, который вы легко обнаружите в глубине «Бабушкиного сада». Дата создания этих хрестоматийно известных картин — 1878 год.

Так мучительные, полные сомнений и терзаний поиски своей музы окончились положительным успехом. Что самое удивительное — тема была буквально рядом. В этом есть глубокий смысл. Ибо нет ничего более живительного, чем мир, в котором ты существуешь. И никакие придуманные нимфы и мифологические герои не заменят отчий дом, родное небо.

«Московский дворик». Холст, пожалуй, так же дорог миллионам

зрителей, как и «Грачи прилетели» Саврасова. Ибо «Дворик» словно является естественным продолжением традиций реалистической русской пейзажной школы, которую возглавил Алексей Кондратьевич Саврасов. Этой школе присуща глубокая духовность, доброта, уютная обжитость людьми.

Лето. Погожий день. Тихо. Маленький, заросший травой дворик залит солнцем. Неспешно, мерно течет почти захолустная жизнь, в московском переулке бродят куры. Играют белобрысые мальчишки. Ревет неутешно кем-то на миг оставленная малышка. Тащит ведро женщина. Дремлет разморенная от жары, усталая, запряженная в телегу лошадь. Цветут ромашки. И над безмятежным на первый взгляд миром — высокое июньское небо. Лениво движутся, а порою будто неподвижно стоят на месте кудрявые, белые облака. Поблескивают купола. Тянется к голубому небосводу стройная ажурная колоколенка. Пейзаж поражает тончайшим ощущением гармонии бытия. В нем звучит счастье — бесхитростное, обыденное счастье жизни. Картина рисует вековое прошлое нашей столицы, «большой деревни», первопрестольной матушки Москвы. Ее патриархальность и доброту.

«Бабушкин сад», хоть и написан в двух шагах от дворика, совсем другой по состоянию. В нем сокрыта грусть. Художник отразил мир уходящих в небытие маленьких городских усадеб. Белоколонный деревянный ампирный особняк, какие доныне остались еще в районе Арбата, Остоженки, Пречистенки (ныне Метростроевской и улицы Кропоткина).

Тургеневская тема — столкновение и сочетание двух жизней — ускользающей в вечность и юной, восходящей,— остро выражена в небольшой картине. Старый, ветхий дом. Заброшенный, неухоженный садик. Сама хозяйка — сгорбившаяся старуха, видавшая лучшие дни. Она еле передвигается, тяжело опираясь на руку молодой стройной женщины. Серая унылая тень робко бредет впереди них. Жизнь продолжается. Буйно цветет сад. Некогда строго очерченная дорожка заросла травой, лопухами, бурьяном. Белые колонны, резной декор фасада напоминают о былом. Ступени у входа стерлись, покосились. Пилястры обвалились, но незримый дух ушедшей эпохи напоминает о себе. О неповторимых страницах истории. Стремительное настоящее ворвалось в эту тихую заводь.

Живописцу присуще редкое ощущение чувства меры. Оно и в колорите и в живо построенной композиции обоих пейзажей. Невольно возникает вопрос: случайно ли появились в один и тот же год работы, написанные буквально на одном и том же месте? Думается, не случайно. Ему был близок этот мир.

Поленов дружил с Ильей Репиным и Виктором Васнецовым, выходцами из глубинки. И не просто встречался и мило проводил свободное время. Они были единомышленники, влюблены в русскую быль. И минорный мотив «Бабушкиного сада» обретает как бы контрастное противостояние в веселом, полном солнца и надежды «Московском дворике». Ведь герои холста — дети. Будущее России. Ведь именно им — в это верил Поленов — предстоит увидеть лучшее завтра Родины. Поленов знал и любил прошлое. Он ведал, что именно в тех ампирных особняках, подобных дому из «Бабушкиного сада», звучали стихи Пушкина, Лермонтова, музыка Глинки и Алябьева, строки прозы Тургенева и Гоголя в исполнении авторов. Но не только благостное музицирование или мирное чтение доносилось из этих помещений. И не только грохотали бравурные мазурки и шумели вальсы в их просторных залах. Иногда в тихих покоях были слышны сдержанные рыдания вдов, сестер и сирот офицеров и генералов, героически павших в боях за честь и независимость Отчизны. Дорого стоили москвичам битвы Отечественной войны 1812 года...

На следующий год после успеха своих двух пейзажей на передвижной выставке художник пишет еще один шедевр — «Заросший пруд», мотив, нередко воспеваемый русскими поэтами и художниками. Что-то глубоко интимное в этом мире покоя. Темное зеркало воды. Белые кувшинки. Прибрежные деревья и кусты глядятся в застывшую гладь. Ни одной ряби нет в оливковом отражении. Безмолвие. Еле слышен шепот ветра в густой листве. В глубине тенистого парка — скамейка. На ней женщина в белом платье. Может быть, в раздумье застыла та юная женщина, с которой мы познакомились в «Бабушкином саде». Лирические, полные поэзии чувства навевает этот холст.

Казалось, всего лишь уголок необъятной земли. Но не мысли о камерности, фрагментарности рождает это полотно. Наоборот, размышление о поразительной целостности, нерушимости зеленого мира, окружающего нас. Пейзаж словно взывает к нам: «Берегите природу, охраняйте тишину, думайте о себе...»

Поленов писал Виктору Васнецову: «Искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит. В жизни так много горя, так много пошлости и грязи...» В этих словах немалый гуманистический смысл.

Но напрасно читатель может себе представить Поленова как некоего певца бездеятельности и лишь созерцания.

Василий Дмитриевич был не только выдающийся живописец. Его характер отличало высокое мужество, гражданственность. Известно, что Поленов вместе с Валентином Серовым отказался от звания академика в знак протеста против «кровавого воскресенья» 1905 года! Он жил на Пресне, в самом сердце декабрьского восстания. Рисовал с натуры уличные баррикады, а это было вовсе не безопасно.

Художник Поленов не только оставил народу прекрасное живописное наследие. Он свершил еще одно благородное дело, значение которого трудно переоценить. Двенадцать лет своей жизни отдал преподаванию искусства в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Немало способствовал развитию таланта Исаака Левитана, Константина Коровина, Абрама Архипова, Сергея Иванова. Много он сделал совместно с Виктором Васнецовым для развития русского декоративного искусства. Враг рутины, Поленов всегда поддерживал все настоящее в искусстве. Ему обязаны чуткой поддержкой Валентин Серов, Михаил Нестеров, Михаил Врубель, Борисов-Мусатов.

Живописец прожил долгую жизнь. Ему посчастливилось увидеть победу народа в октябре 1917 года. Он встретил революцию с радостью. Его прекрасное творчество, его подвиг в искусстве молодая держава рабочих и крестьян высоко отметила. В 1926 году ему одному из первых русских мастеров было присвоено звание народного художника РСФСР.

Застыл малыш. Чуть привстал на кресле. Что-то увидел и замер. Курчавый, вихрастый. Черноглазый. Поднял тонкие брови. Приоткрыл пухлые розовые губки. Что поразило мальчонку рано утром? Еще не прибранный, в белой ночной рубашке, готов он хоть сейчас вскочить и разобраться в происходящем. Ручонки уцепились за поручни кресла.

Миг удивления.

Художнику Валентину Александровичу Серову удалось его подсмотреть и отразить. Живо, неподражаемо. «Мика Морозов» — один из лучших детских портретов в мировом искусстве.

Был бы холст написан сегодня, можно было бы согрешить и подумать: «Да, помог слайд или фото». Но в то время даже со вспышкой нельзя было сделать такие живые снимки. Кроме того, известно, что Серов вообще не пользовался фотографией. Он писал только с натуры. Мучительно. Очень долго. Буквально изводил свои модели постоянными переписками и доделками. Невзирая на ранги.

Мастер, пожалуй, работал дольше всех над каждым портретом. Но зато достигал поразительных результатов. Иногда его картина — рассказ о человеке, новелла, порою повесть. Такова глубина его характеристик.

В отличие от многих портретистов-классиков, демонстрировавших в холстах филигранную, великолепную технику и показывавших навсегда достигнутый и пользующийся заслуженной славой прием, Серов, человек внешне сдержанный, а порою угрюмый и молчаливый, обладал безудержным темпераментом художника-экспериментатора и исследователя человеческих душ.

Представьте себе необъятную панораму портретов его современников. Вас окружат абсолютно не похожие друг на друга люди. Этому удивляться не надо, тут все естественно. Главное же в том, что полотна Серова индивидуальны. Каждое из них написано в свойственной данной модели манере. И композиции их полярно разные. То это монументальные картины, где персонаж подан в рост,— таков героический портрет великой актрисы Ермоловой. Или вы знакомитесь с сидящим и резко повернувшимся, словно разговаривающим с кем-то Максимом Горьким. То вдруг встречаетесь со светской красавицей.

«Портрет Г. Л. Гиршман».

Будуар. Масса изящных аксессуаров окружает элегантную даму. Она, мило улыбаясь, открыто демонстрирует свою неотразимую прелесть. Не без кокетства. Но светски сдержанно. Немного стесняет, мешает даже рассмотреть лицо модели огромное количество вещей, заполняющих холст. Это какое-то засилье предметов, загромоздивших ее бытие. От бархатного банта в волосах, горностаевой горжетки, накинутой обдуманно небрежно на плечи, до роскошных перстней на тонких пальцах — все призвано чаровать. Туалет уставлен флаконами с духами, баночками с кремами, пудрой. На ширме брошено воздушное шифоновое черное платье... Все переполнено. Мир вещей.

Нельзя не заметить, что весь кажущийся хаос, микрокосм дамского существования полон какой-то грации и вкуса. Что, кстати, не всегда свойственно современным поклонникам «вещизма».

Но это к слову...

«Мика Морозов» — холст, уже описанный нами,— антипод предыдущей картины, царству проверенной гармонии человека и вещей. В нем все в движении. В непосредственности — обаяние золотой поры детства.

Таков Серов. Художник, искавший всю жизнь новое.

В начале творческого пути он создал два шедевра, заставившие почувствовать, что, кроме Репина и Крамского, возник новый блестящий портретист. Его «Девочка с персиками» и «Девушка, освещенная солнцем» — работы, составившие бы честь любому европейскому собранию. Полотна для своего времени новаторские. В них слились свет и цвет. Причем сохранен, а не растворен образ человека, что свойственно некоторым нынешним любителям пленэра.

Павел Третьяков немедленно оценил новое явление в искусстве и приобрел «Девушку, освещенную солнцем», чем вызвал неистовый гнев консерваторов-«академистов». Репин, учитель Валентина Серова, был возмущен этими выпадами.

Но логика искусства — неумолимое движение, не во имя желания кого-то удивить, но во имя постижения и отражения красоты натуры. Пятьдесят с лишним сеансов писал Серов Машеньку Симонович, «Девушку, освещенную солнцем». Модель не выдержала... и сбежала. Но шедевр остался. Сегодня это одна из жемчужин Третьяковки.

А что до ворчунов... Вот маленький штрих, который подчеркивает все могущество таланта Серова.

Николай Александрович Соколов — один из знаменитых Кукрыниксов — рассказал мне интересный эпизод. ...Шла Великая Отечественная война. Художники жили в Москве. Создавали Окна ТАСС, рисовали острейшие карикатуры в газете. Иногда в свободные дни посещали специальные среды в Центральном Доме работников искусств, где давались концерты, шли просмотры фильмов... И вот однажды Соколов увидел здесь очень знакомого человека, но никак не мог вспомнить его имя.

Пожилой мужчина с всклокоченной, вихрастой седой головой сидел в кресле, чуть привстав и слегка приоткрыв рот, внимательно слушая выступающего артиста.

Николай Александрович спросил в антракте у приятеля: «Кто этот мужчина?» Ему ответили, что это критик Михаил Морозов.

Словно молния прорезала память Соколова: «Да ведь это постаревший серовский Мика Морозов».

Да, так гениально-прозорливо давным-давно уловил Валентин Серов типические, единственно характерные для модели черты.

Такова магия большого искусства.

Если бы я был Дедом Морозом...

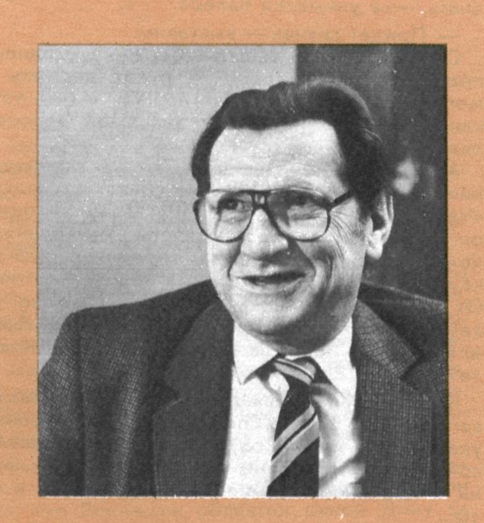

О. С. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ,
кандидат медицинских наук,
врач-косметолог

«Не родись красивой, а родись счастливой» — так гласит народная мудрость, но все же каждая женщина стремится быть красивой. Проблема эта подвластна нам, косметологам. Не одно тысячелетие косметология стоит на страже женской красоты. А вот обладай я волшебной силой хоть на миг, я обратила бы ее на то, чтобы сделать женщину безусловно счастливой.

Надо учиться радоваться жизни, несмотря ни на что. И, может быть, тогда меньше будет слез, от которых появляются преждевременные морщины. Хотелось бы, чтобы каждая женщина была любима, а с остальным мы справимся.

Геза МЕСЛЕНИ,
президент Ассоциации венгерских туристических агентств, директор «Волан»

В течение многих лет я занимаюсь самой мирной профессией — туризмом и пытаюсь установить контакты между людьми самых разных национальностей. Ежегодно Венгерская Народная Республика принимает у себя до восьми миллионов туристов из стран социализма и капиталистических стран. Учитывая, что будущий 1985 год — год 40-летия Победы, туристический обмен между Советским Союзом и Венгрией будет значительно расширен. В Москву я как раз и прибыл для подписания договора о туристических обменах.

Роль Деда Мороза мне очень понравилась бы, поскольку я мог бы уничтожить все атомные ракеты и отправить их в ад. На деньги, которые во всем мире тратятся на вооружение, я купил бы еды и накормил бы всех голодных, дал бы кров бездомным, организовал бы путешествия во все концы света всем желающим, мужчин бы одарил хорошей спутницей жизни, а женщины пусть получат все, что сами пожелают.

Нора АДАМЯН РАССКАЗ Рисунки И. ПЧЕЛКО

НА КАРТОШКЕ

На другой день приехал на желтом «жигуленке» председатель колхоза Вячеслав Петрович. Взглянув на поле, он сдвинул брови, потом заулыбался и пошел под навес к столу, где Дина уже расставляла суповые мисочки.

— Обедом накормите? А то я сегодня с утренней зари все езжу.

Дина не сплоховала. На закуску подала салат из тертой моркови, потом хороший суп и отварную баранину, густо посыпанную зеленью.

Вячеслав Петрович все это одобрил.

— Ну, а вообще как живете, товарищи ученые? Жалобы есть?

— Есть жалобы,— жестко сказал Вениамин.— Когда наконец колхозы за ум возьмутся, чтобы нам каждый год на помощь не ездить? Надоело уже. Мы же вас на помощь не зовем, а нам, может, потруднее бывает.

Председатель не обиделся.

— Правильно рассуждаешь. Однако мои колхозники не глупее тебя. Они тоже сейчас по институтам и университетам разбежались.

— Прямо!— засмеялся Валера.— Так уж все и разбежались. Плохо работаете, вот что! Вон сколько картошки на косогоре запороли.

— Вот кстати напомнил.— Вячеслав Петрович сказал это с неестественной интонацией, как человек, не умеющий притворяться. А ведь он и приехал только ради этой картошки. Быстро пошел к развороченному косогору, усыпанному привядшей ботвой и выложенному кучками мелких зеленых клубеньков.

— Я вчера Сережке было не поверил. А теперь сам вижу. Чего вы придумали, ребята? Для чего вы ее отдельно копаете? Это же потом нам двойная работа будет.

Василий Васильевич ожидал, что ответ возьмет на себя Николай. Но Николай даже отвернулся, точно его все это никак не касалось. Вениамин и вовсе откровенно смеялся. Тогда он понял, что отвечать приходится ему.

— Вы же сами видите, какая она на косогоре. Я, конечно, не специалист, но зачем же ее с хорошей мешать?

— Товарищи,— сказал председатель, прижав руку к сердцу,— верите, у нас тут такой ливень был, такой ураган небывалый, деревья в лесу валило. А с косогора прямо река шла — землю смывало... Стихийное бедствие. Ничего не поделаешь. А мы эту картошку ранним сортом сдавать должны. Так что копайте всю подряд.

— Что же вы ее по косогору еще хоть разок не подбили?— наконец вмешался Николай.

— Да где мне людей взять?— закричал председатель.— Я же говорю — стихия. Разве одно это поле пострадало? Да мы ее и не уважаем, синеглазку эту, поспевает рано, лежит плохо, навязали нам ее селекционеры. Вот и сажаем в порядке опыта. У меня одна забота — сдать ее поскорее...

Он отдышался и снова заулыбался, откидывая пятерней со лба густые русые волосы.

— Так что вы, товарищи ученые, самодеятельность здесь не развивайте. Копайте все подряд. Не ваша это забота. А если есть другие претензии — к питанию или еще что, я готов выслушать и помочь. Сам в Тимирязевке учился...

— Мы хотели как лучше,— сказал Василий Васильевич.— А смешать ее легко. Только нечестно, по-моему, так делать.

— Ох, ох, не пугай ты меня, друг. Я уже пуганый. И не то слышал. Копайте, как сказано, под мою ответственность. Пусть вас совесть не тревожит.

У машины он обернулся.

— Спасибо за обед. Между прочим, если обратили внимание, мы вас свежей бараниной кормим, молоком парным. Ничего не жалеем.

Желтая пыль пошла по дороге.

— Ну и к чему ты вылез, студент?— спросил Вениамин.— Восстановил его против нас, и только.

— За эти полторы тонны картофеля ты его к ответу не потянешь, даже маленькой неприятности не причинишь,— сказал Николай.— Себе дороже станет. Лично я мечтаю скорее кончить это дело и по домам.

— Будем работать,— вздохнул Василий Васильевич,— но что выкопали, мешать с хорошей картошкой не станем.

— А у меня желание работать сорвалось,— заявил Вениамин.— Мне для всякой работы душевный настрой нужен.

Все разбрелись кто куда. Дина в своем закутке мыла голову. Николай завалился под стогом с книгой.

Василию Васильевичу это не нравилось. Такого отношения к работе он не признавал, но понимал, что ребята сейчас его не послушают, и улегся в сарае на свой тюфяк. По-настоящему ведь только-только приладились работать. А если окончить на косогоре — дальше пошло бы куда веселей. Там и земля легче и картошка крупная. Конечно, копать подряд быстрее. Но не они здесь хозяева, придется подчиниться. Вот накопали кучу негодной картошки — считай, ничего полезного еще не сделали.

С этими мыслями он уснул, а проснулся оттого, что кто-то дергал его за носок кеда.

— Эй, студент, на закате спать нехорошо.— Дина стояла возле его тюфяка. Распущенные волосы покрывали ее до пояса, блестели и завивались. Хотелось их потрогать.

— Вставайте, мы костер разожгли. Веня на гитаре играет. А как зовут вас, я до сих пор не знаю.

— Василий Васильевич меня зовут.

— Важно!— Она засмеялась и протянула ему руку, помогая встать.

Костер горел неярко, но славно, трещали сучки, тянуло дымком. Вениамин, чуть подыгрывая себе на гитаре, пел негромко:

— Море не дышит, звезды, не плачьте,
Странные снятся сны...
Даже на самой высокой мачте
Мне не достать до луны...

Все молчали. Вениамин перебрал струны, запел что-то другое:

— Где-то над сонной водою
Мошки ведут хоровод.
В синем лесу над рекою
Девушка милого ждет.
И равнодушно в березы
Прячет кудрявый туман
Чьи-то горячие слезы,
Чей-то холодный обман...

Василию Васильевичу песни понравились. Толстый Валерка сказал равнодушно:

— Неклево, Венечка. Несовременно. Недоходчиво. Не прокормит тебя этот вокал.

— Это замечательно!— запальчиво крикнула Дина. Она сидела рядом с Вениамином, и ее юбка широкой сборчатой оборкой покрывала его сапоги.

Вениамин хлопнул ладонью по струнам.

— Как умею. Хрипеть и рычать не могу. Орать по двадцать раз одну фразу противно. По телевидению не выступаю и соответственно гонораров не беру.

— А предлагают?— нагло спросил Валера.

Окончание. См. «Огонек» № 51.

— Случается,— спокойно ответил Вениамин, передал гитару Николаю и, обхватив Динины плечи, спросил вполголоса:

— Ну как, договор в силе?

Дина напряженно, будто согнутая его рукой, тихо сказала:

— А не поздно?

Он не ответил, легко приподнял ее за локти и повел на косогор к черной стенке леса.

— За грибочки, однако, можно не беспокоиться,— ухмыльнулся Валера.

— Не твое дело,— обрезал его Николай.— А поет он хорошо. Надоело, когда орут — ни слов, ни мотива.

— Зато ритмы. А это сейчас главное.

Василий Васильевич молчал. Ему было грустно, что Дина ушла с гитаристом. Не должна она была с ним идти. При свете костра так блестели ее темные распущенные волосы...

Он стал медленно гасить костер, подгребая его со всех сторон землей. Ушли спать Валера и Николай. В поле никогда не бывает ночью полной тишины. Странные звуки чужой непонятной жизни, легкий посвист, шуршание, чуть слышное цоканье окружали Василия Васильевича, и вдруг эту ночную музыку разбили быстрые человеческие шаги. Вниз по косогору сбежала Дина и, тяжело дыша, встала у тлеющего костра.

— Сядь,— сказал Василий Васильевич, не глядя ей в лицо.— Что ж так мало погуляли?

Дина долго молчала.

— Не захотелось...

— Ночью по лесу неповадно ходить,— сказал Василий Васильевич.

Ему вдруг стало радостно.

Тяжелыми быстрыми шагами мимо костра в сарай прошел Вениамин. Не остановился, не сказал ни слова, будто не видел у догорающего костра Василия Васильевича и Дину.

— Ну вот,— сказал Василий Васильевич,— теперь все вместе — и душа на месте. А завтра надо пораньше вставать...

— Ну, почему у одних все так легко и просто, а у меня всегда со сложностями? Почему?— вдруг сказала Дина.

— Не знаю.

Дина тихо засмеялась.

— Ну где же вам знать, Васенька? Вас как мама в детстве называла? Вася-Василек, да?

Он не ответил и долго еще после ее ухода сидел над остывающими углями.

Никто никогда не называл его Васильком. И он никого не называл мамой. Только одна пожилая медсестра детского дома, которая дала ему имя, изредка при встрече называла его Васюта.

Теперь копали начиная с косогора и дальше во всю ширину поля, все подряд. «Что нам, больше всех, что ли, надо?»— высказался Валера. «А вдруг она тебе в магазине достанется — мелкая да зеленая?» «А что я, дурак — такую покупать?» «Разболтались!»— кричал Вениамин. Он работал зло, остервенело и, когда доходил до больших кустов, без жалости резал лопатой крупные клубни. Иногда будто нарочно. Так что Василий Васильевич сделал ему замечание:

— Поосторожней надо. Ведь чувствуешь, когда на картошку жмешь...

— А ты кто такой?— вдруг закричал Вениамин.— Тебя кто тут начальником поставил? Что ты всем указания даешь?

Василий Васильевич не хотел обострений.

— Да погляди сам,— примирительно сказал он, поднимая большую надрезанную картофелину.— А ведь какая красавица была...

Вениамин выбил у него из рук картошку. Николай и Дина повисли у него на плечах и увели в сарай, где он завалился на матрац до позднего вечера.

На следующее утро Василий Васильевич за завтраком сказал:

— Мы главных не выбирали. И я себя здесь главным не считаю. Но раз приехали работать — значит, надо работать. Лодырничать никому не позволено.

— Уж не ты ли запретишь?

— Все запретят.— Василий Васильевич оглядел ребят.

Они молчали. А ему хотелось, чтобы все было по-хорошему.

— Для чего нам свариться? Будем работать как люди. Коллективно.

— Ага. Сплоченными рядами к сияющим вершинам,— с издевкой продолжил Вениамин.

Но Василий Васильевич уже шел к полю.

Работа как работа. От нее с непривычки к вечеру ломило плечи и поясницу. Василий Васильевич считал, что эта усталость полезна. Но его удивляла Дина, которая успевала приготовить обед, не ленилась придумывать салаты из разных овощей, а потом от печки бежала к полю широкими прыжками и всегда с улыбкой и всегда со спущенной косой, которую не удерживали шпильки.

Очень не хотел Василий Васильевич еще раз увидеть, как Вениамин, по-хозяйски обхватив ее за плечи, ведет к лесу. И потому сразу после ужина уходил в сарай и ложился на свой матрац.

Но, похоже, в лес они больше не ходили.

В один из вечеров, когда Василий Васильевич лежал укрытый с головой, а в сарае все скрывала темнота, вошел Вениамин, а за ним с кухонным полотенцем на плече Дина.

— Венечка, ты на меня рассердился?

— Не тот лексикон. Детские слова. Я просто не люблю разыгрывать несвойственные мне роли. Альбомные чувства — это не для меня. Я уже вышел из этого возраста, да и ты, прости, пожалуйста, тоже. Так что Ромео и Джульетту нам изображать не стоит.

— Да, конечно. Ты прав. Не надо ничего разыгрывать. Просто тогда было очень темно.

— А тебе обязательно нужен лунный свет?

— Ну, зачем ты так? Я надеялась, что ты поймешь...

— Ладно,— сказал он.— Будем считать — эксперимент не получился.

Дина заплакала.

«Любит она его, что ли?»— подумал Василий Васильевич.

Вошли ребята, зажегся свет. Дина легко затопала — убежала за свою загородку.

В сущности, все было понятно. У Вениамина такое лицо, которое до старости останется молодым. Откинутые назад волосы, брови, нос, рот четко очерчены. Все в лице и фигуре без излишеств, такие должны нравиться девушкам. А еще и на гитаре играет.

Нет, с Диной все ясно. Скорее непонятен Вениамин. Что ему еще надо? Девушка работящая, красивая. Держался бы за нее, дурак. «Фанаберии, форсу в нем через край»,— с недоброжелательством подумал Василий Васильевич.

А в общем, у каждого свои недостатки. И у себя беспристрастный Василий Васильевич мог насчитать их немало. Через неделю разойдутся каждый по своему пути. Перевоспитывать их Василий Васильевич не собирался. Он хотел со всеми быть одинаково ровным, но почему-то не получалось. Не было в отношениях ни легкости, ни настоящего дружелюбия. И все это ощущали.

Николай прямо сказал:

— Обижаешься, студент? Откалываешься?

— Не на что мне обижаться.

— Да нет, ты обижаешься. А Вениамин — он парень клевый. Ему только досадно. Он, понимаешь, ассистент, надежда кафедры, а ему тут приходится время терять.

— Ну и что — ассистент?— равнодушно ответил Василий Васильевич.— А я кандидат наук, у меня докторская на подходе. И мне сейчас совсем не ко времени эта картошка. А послали, и надо копать.

— Не заливаешь?—спросил Николай.—Впрочем, нет. Я сразу тебя угадал. Но ты мне верь: Венька тебя уважает. Завтра его день рождения, он хочет совместно отпраздновать. Валерку уже в магазин погнал. С утра, говорит, гулять будем.

— А работать когда?

— Один день можно и погулять. Ведь без выходных гнемся.

— Не будет завтра гулянки. Тут всего ничего осталось. Кончать надо.

— Не иди на принцип. Не по-товарищески. Кстати, завтра осадки обещают. Много не наработаешь.

На другое утро и вправду серое, налитое водой небо низко пригнулось над землей. Похолодало.

Позавтракали быстро. Дина в большом тазу месила тесто, но работать пошла вместе со всеми. Большая часть поля была уже взрыта. В сыром воздухе резко пахла привядшая картофельная ботва.

Василий Васильевич взялся за лопату, не разгибаясь, не глядя вокруг, не замечая, что мелкий, точно распыленный дождик стекает у него по лбу и, смешиваясь с потом, щиплет глаза. Когда он расправил спину, до обеда еще было далеко, но ребята стояли на краю поля.

— Эй, кандидат!— позвал его Вениамин.— Пошли. Дина пирожки жарит. Я слышал, кандидаты пирожки с капустой очень обожают.

Пошли. Поели пирожки с капустой, поели неизвестно откуда взявшиеся шпроты и полукопченую колбасу. Выпили водки. Ребята угощали Сережку, который привез молоко. Мальчишка, ошалевший от открывшихся возможностей, глотал вперемежку водку и портвейн. Перед Вениамином на столе стоял букет ромашек и флакон французского одеколона ценой в пятнадцать рублей. «Динин подарок»,— понял Василий Васильевич.

Когда меж разорванных туч показалось солнце, он поднялся.

— Сегодня работать не будем,— не глядя на него, сказал Вениамин.

— По какому случаю?

— По тому самому, из-за которого ты водку пил.

— Делу время — потехе час.

— Уймись, студент!— развязно встрял в разговор Валера.— Хватит тебе пословицами сыпать.

— Сядь, кандидат, выпей,— примирительно протянул кружку Николай.— Какая сейчас работа, когда мы все поддавши. Не убежит она, наша картошка...

— Черт с вами!— взорвался Василий Васильевич.— Я один пойду, один докопаю это поле, если у вас уже совсем совести не осталось.

— Га, посмотрите на этого психа!— заорал Валера.— Иди, копай за меня, я тебе спасибо скажу!— кричал он уже в спину Василия Васильевича, который сбегал с косогора в поле.

С места вскочила Дина, но крепкой рукой ее удержал Вениамин.

— Пусть идет. Это он по фильму действует. Помню, такой же энтузиаст в одиночку лес валил, чтобы паровоз запустить. Наш кандидат на этих примерах воспитан.

— Выпьем теперь за милых женщин,— провозгласил Вениамин,— таких, которые всегда с нами. А кто не с нами, те против нас. И тем женщинам нехорошо...

— Выставить надо этого дурака, тогда будет знать,— не унимался Валера.

— Придет случай — выставим.

Они уже много выпили. Сережку усадили в пролетку — он и вожжи в руках держать не мог, но старая спокойная лошадь и без понуканий покорно пошла по знакомой дороге к селу.

А Василий Васильевич работал с остервенением и только повторял, не сбиваясь с ритма: «Черт с вами! Черт с вами!» Один за одним он поднимал на лопату кусты, разворачивал комья красноватой земли, торопливо выбирал клубни. Очень хотелось ему убрать все поле. От этого страстного желания дрожало все внутри. Но сколько рядов он ни проходил, впереди все темнела неоглядная даль синеватой зелени.

Когда стало невмоготу, он, уставившись взглядом в землю, подошел к стогу сена и упал возле него. Его сразу сморил тяжелый сон, при котором не чувствуешь своей жизни и просыпаешься, не понимая, кто ты и где ты...

Его разбудили. Трясли за плечо и кричали зло и обидно:

— Ладно, сам напился! А мальчишку моего для чего поил?

Вячеслав Петрович, председатель колхоза, возвышался у стога как великан. Неприятно было чувствовать себя пропотевшим, запыленным, повергнутым на землю перед человеком, заряженным силой и злой энергией.

— Я Сережу не поил...

Василий Васильевич поднялся, хотел пригладить волосы, но увидел засохшую землю на своих руках.

— Я и сам...— Он хотел сказать «не пил», но почувствовал во рту противный дух перегара и добавил совсем по-глупому:— Не думал я пить...

— Ага, не думал!— крикнул Валера.— Как лошадь хлестал!

Все они, его товарищи, стояли группой неподалеку от стожка.

— На село два раза за водкой бегал...

Валерка уже открыто глумился. Его понесло.

— Врешь,— негромко сказал Василий Васильевич.— Зачем же ты врешь?

Заговорили все наперебой, и можно было понять только одно, что Василий Васильевич, пьяный вдрызг, свалился под стогом, а они хотя и поддали, но только за компанию с ним.

— Мы все выпили по случаю дня рождения, но в меру, а товарищ вот перебрал,— объяснял Вениамин, открыто и честно глядя своими леденцовыми глазами.

— Вы что, значит, все тут подлецы?— с ненавистью спросил Василий Васильевич. Он видел, что Вениамин обхватил рукой Дину за плечи. Ему стало горько.

— Все вы тут одна шайка!

— Постой, постой,— прервал его Вячеслав Петрович,— это что же получается? Вся рота не в ногу, ты один в ногу? Так у нас не бывает. Против тебя весь коллектив. А нас учили — коллектив всегда прав. Против него не пойдешь. И вы товарищей своих не оскорбляйте!

Он вдруг стал называть Василия Васильевича на «вы».

— Не товарищи они мне...

— Вон и бутылки у стога валяются,— не унимался Валера.

Василий Васильевич невольно прикрыл лицо измазанной рукой. Он не видел, как Дина, вывернувшись из-под руки Вениамина, подбежала к стогу.

— Ребята, вы что, с ума посходили? Вы всерьез? Это же все вранье. Он целый день работал. И всего две рюмки за обедом... Что же все на него?!

— Дина, сюда!— властно приказал Вениамин, но она не обернулась.

— А ты чего молчишь, Вася? Ты что из себя христосика строишь? Ты же целый день картошку копал, минут двадцать как прилег. Вон, посмотрите, у него же руки в земле. Как не стыдно, ребята! И Сережку это мы напоили. Так надо хоть иметь мужество правду сказать!

— Ах, какая горячая защита!— засмеялся Вениамин.

— Но это же подлость, ребята! Сознайтесь! Подлость!

— Ах, пойдемте к сияющим вершинам,— дурашливо затянул Валера, и тут же Николай ударил его по лицу.

Валера взвыл и упал.

— Ну, знаете!— возмутился Вячеслав Петрович.— Это уже из рук вон. Интеллигенция, ученые! Я тут ваши внутренние свары разбирать не стану. Я на работу дам знать...

Он сердился все больше и больше.

— Видно, забыли, для чего вас сюда прислали. Культурные люди до мордобоя дошли.

Он пошел к своей машине, но, открыв дверцу, повернулся к Василию Васильевичу.

— А я мечтал, что вы лекцию нашим ребятам прочтете о достижениях советской электроники и кибернетики. Какая уж тут лекция! Вы и свое-то задание не смогли с умом до конца довести!

Злобный огонь горел в душе Василия Васильевича. Невозможность ничего рассказать, доказать, оправдаться сбивала дыхание. Он не мог видеть их всех, даже Дину. Убежал в лес и бродил от березки к березке, пока не вышиб из себя гнев. А когда вернулся к сараю, то увидел работающих на поле людей, но были они так далеко, что даже голоса их не долетали до Василия Васильевича. А может, они работали молча...

Настал день, когда вырыли всю картошку и поле лежало перед ними успокоенное, черно-рыжее.

Последние дни все больше молчали, говорили только по делу. Но когда, распрощавшись с колхозом и получив соответствующие бумаги, приехали на станцию, Вениамин протянул Василию Васильевичу руку.

— Прощайте,— сказал он.— Конечно, много глупостей было. Извиняться не стану, но все же не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо.

— До свидания,— сказал Николай,— мир тесен, я надеюсь еще увидеться с тобой.

А с Диной разговора не вышло. Она помогала прилаживать Валере рюкзак и не подняла глаз, когда Василий Васильевич быстро пошел к головному вагону поезда.

Так и поехали в разных вагонах, не обменявшись ни адресами, ни телефонами. Ну и ладно. Была без радости любовь, разлука будет без печали.

В вагоне Василий Васильевич вспоминал лекцию, которую он все же прочел в колхозном клубе. Народу набилось — не пробиться. Вопросы задавали очень разные: правда ли, что кибернетическая мышь убежит от любой кошки, сможет ли машина предсказывать будущее и летают ли над нашей планетой летающие тарелки?

Хотели Василию Васильевичу мешок картошки дать, поблагодарил, но не взял.

Побежали за окном поезда обратным ходом перелески, полянки, покрасневшие клены, пожелтевшие березки. Потом снова белые башни пригородных новостроек, потом первая московская улица с автобусом. И вот он, вокзал. Поезд на соседнем пути только что прибыл с юга. Благоухали длинные расписные дыни, в ящиках с просверленными дырами приехали груши, персики. Загорелые люди в ярких одеждах торопливо волокли этот груз к стоянке такси.

Василию Васильевичу такси не нужно. Он поедет на метро, потом дойдет пешком до высокого дома, и лифт доставит его прямо до дверей собственной квартиры, к которой он за три года не успел еще привыкнуть. Впервые после всех общежитий своей жизни один в комнате, один в кухне, один за закрытой дверью. Хорошо!

Тут его потянули за рукав, и он увидел Дину.

— Попрощаемся... Как-то нехорошо все получилось. Грустно это мне. Давайте хоть простимся по-человечески.

Говорила печальные слова, а сама улыбалась.

— И мне грустно,— неожиданно для себя сказал Василий Васильевич. Хотелось ему спросить ее телефон, но воздержался. Вместо этого сказал:

— Что же вы одна, без своего гитариста?..

— Он не мой. Напрасно вы так думаете. Тут совсем другое.

— Да знаю я. Слышал я случайно один ваш разговор, и больно мне было за вас. Обидно за ваше женское достоинство. Вы уж простите, что я так говорю. Я еще тогда хотел у вас спросить: почему вы себя перед ним так роняли? Где ваша гордость?

— Правильно,— ответила Дина.— Вы все правильно сказали. Вы все знаете, да? И про женское достоинство и про девичью гордость.

Он упрямо наклонил голову.

— Из песен знаете? Или из фильмов? А что вы знаете про женское одиночество, про одиночество на всю жизнь? А ведь об этом сейчас тоже песни поют, не слышали?

Она рассмеялась как всегда громко и помахала, вернее, повела вправо-влево раскрытой ладонью.

— До свидания, Вася... Вася-Василек... До свидания!

Ее голубое платье сразу пропало, затерялось в шумной пестроте вокзала. И Вася вдруг подумал: «Это уходит от меня моя судьба, мое счастье...»

Шумно было на вокзале, и поток людей втянул его в метро. В лучшее метро на свете...

Бажен ПЕТУХОВ

...Небо-листок из покрытой стихами тетрадки!

Бажену Петухову всего четырнадцать лет, но я не колеблясь скажу, что он поэт. Яркое его дарование несомненно. Он является активным членом литературного объединения при Ростовском отделении Союза советских писателей, выступает по телевидению, его стихи публикуются на страницах ростовских газет «Молот» и «Комсомолец». Радует, что Бажен много читает, хорошо учится, влюблен в музыку, в живопись, в архитектуру, строго относится к себе.

Анатолий КАЛИНИН

●

Я бежал по старой тропке,
Хорошо меж трав бежать,—
А лопух руками робкими
Все старался удержать.
Пахло древностью и буками
Из далекой старины.
И готическими буквами
На листке слеза луны.

У картины Н. Рериха

Плыл за окном туман
Седой, как мир...
А в комнате царили Гималаи,
И монотонный музыкальный миг
Звенел крылами,
Вечность обнимая.

Памяти М. Шолохова

Мы — словно волны Дон-реки,
мы к морю голубому мчались,
мы с рифмами порой встречались,
любовь к России берегли.
В нас беды бились, как шуга...
Мы крылья для побед растили,
потом в историю входили,
как Дон в морские берега.
Жизнь волн короткая, как крик,
наполненная, как страница...
А мне все Вешенская снится
и Шолохова мудрый лик.

●

Где радуга сияла коромыслом
И молнии огромные ростки
В бутонах струй
Торжественно повисли,
Как в предрассветном танце —
мотыльки...

●

Песня сосен звенит, отражаясь
в воде,
Ищет лес ее звуки в своей
бороде.
Соловьиные трели пасут облака,
И звенит безответной свирелью
река.
Где-то в первых лучах
непроснувшейся мглы
Ночь целует берез и кленов
стволы.

●

Снег запорошил луга
В танце многоликом,
Мрака черные стога,
Спугнутые криком.

В белом озере цветов
Первых зимних лилий
Ночь плывет средь облаков,
Расправляя крылья.

●

В ночном бору тонул вороний
крик
И блюдом золотым луна сверкала.
По тучам плыл ветрило, как
родник,
И страшен вид коряжьего оскала.
Со свистом канет ведьма
в темноту,
Сова ее беззвучно провожает.
И дуб себя дубками окружает,
Как богатырь, стоящий на посту.

●

Где ветви листьями крылаты
В метелях белых мотыльков,
И полны шорохов закаты,
А небо — золотых жуков,
Там, как наполненные соты,
Поляны дремами полны —
Для тех, кого манят высоты
Недосягаемой волны.

●

Тишина — ни шороха, ни звука.
Только запах трав перед дождем.
И поплыл над потемневшим лугом
Медленно величественный гром.
Облака совиными крылами
Раздвигает тихо темнота.
Каплей меда залитое пламя,
Канувшая в зарево мечта...

●

Когда вёсен поток
Оросит твою жизнь, словно
грядку,
Ты увидишь, что небо — листок
Из покрытой стихами тетрадки!
Когда время заката придет,
Очарованный, радости полный,
Ты увидишь, как солнце кладет
Золотую тропинку на волны...

●

Туда, где аккорд комариный
не слышен
И колется ветер лучами,
По розовым вспышкам алеющих
вишен
Плывет золотое молчанье...

●

Память — это первый шаг
И последний вздох.
Это горечь диких трав,
Пыль степных дорог.
Это злобы торжество
И любви упрек.
Память — это ничего
Между ровных строк.

●

Плыли шелестов сугробы,
Стлался облаками день.
Наклонилась ива,
Чтобы
Взять оброненную тень.

●

Вечной грусти
ветер верен.
И, в полет его гоня,
Неизвестен, беспределен,
Грустью кто дарил меня?
То ли птицы, что кружились,
Вечно споря с тишиной,
То ли травы, что ложились
На песок передо мной?..
Шорох родниково чистый
Затеряется во мгле.
Старой хвоей строк смолистых
Долго пахнет на столе.

●

Красив закат, горя в своем огне,
Когда последний миг он доживает.
Но только ночь нам тайны
открывает,
И только звезды шепчут тайны
мне.

●

Старая бабушка дремлет в углу,
Буквы и строчки лежат на полу,
Тихо минуты крадутся к окну,
Крик воробья сторожит тишину.

●

Шуршит горизонт,
Как бумажный листок...
В тиши, перевитой хмелем,
Открыл лепестки незаметный
цветок,
Потерянный где-то апрелем.
И пахло шалфеем,
И старой травой,
И лесом, ветрами помятым,
И море листов над моей головой
Чертило стрижей и закаты.

●

Бабушка
Принесла веточки вербы.
И вся комната озарилась,
Наполнившись запахами
Солнца.

●

Ландыши —
Это самоцветы
Зимы.

●

В папоротниковых объятьях,
В узких ладонях мха
Долго не мог сыскать я
Старого родника.
Там, привлеченный ранней
Бархатной тишиной,
Водит хвостом в тумане
Сказочный водяной.
Но не пойду к колдуну я,—
Выйду к ручью не спеша,
Чтобы искать поцелуя
Берестяного ковша.

●

Нам за спиной кусты рукой
грозили,
Свою ладонь протягивал лопух,
Вплетались травы в наши сны
и были,
Ласкает взор и услаждая слух.
Из каждой нераздавленной
травинки
Нам капля сердца луга отдана.
Как жаль, что нам нельзя из
дома выйти
И плыть над лугом, как плывет
весна.

Врачи без дипломов

Дмитрий ДИМОВ

Впрочем, дипломы у них могут быть: за экстерьер, за выучку, за достижения на охоте. Но это, конечно, не врачебные дипломы, ибо собакам они не положены. И тем не менее наши четвероногие друзья нередко выступают не только как неоценимые помощники охотников, пастухов, пограничников, людей многих других специальностей, но и как лекари человека.

Современная эпоха—век стрессов, чрезмерной психологической нагрузки, к которой человечество оказалось неподготовленным. Причин этой психологической нагрузки нынешнего человека, особенно горожанина, немало; писалось об этом и будет писаться много. В результате резко возросла вероятность сердечно-сосудистых заболеваний, смертность от которых в индустриально развитых странах выходит на первое место.

В одной из психиатрических клиник был поставлен необычный эксперимент. Он заключается в том, что больным, которых не удавалось вылечить обычными терапевтическими методами, предложили завести собак. Почти все с радостью приняли это предложение. И что же? Вскоре состояние пациентов заметно улучшилось.

Американский журнал «Сайенс дайджест» отмечает: идеальный психотерапевт должен быть умен, сердечен, расположен к больному, должен внушать ему доверие. В последние годы многие авторитетные психиатры и психотерапевты в США взяли себе в помощники собак, утверждая, что четвероногие друзья человека обладают всеми перечисленными качествами.

Пионером метода, носящего название «анимотерапия» (от латинского «анималь» — «животное»), является нью-йоркский врач Б. Левинсон, написавший на эту тему две книги: «Детская психотерапия с использованием домашних животных» и «Домашние животные и развитие человека». Первая из этих книг посвящена сотруднику Левинсона, дворняге Джинглсу. По словам врача, все началось случайно.

«Однажды рано утром я усердно писал, сидя за письменным столом, а Джинглс лежал у меня в ногах. Вдруг раздался звонок в дверь. Я никогда не разрешал Джинглсу присутствовать при приеме больных, однако в этот день никто не был записан на такой ранний срок. В кабинет вошла чрезвычайно взволнованная мать с ребенком...»

К величайшему удивлению врача и матери, замкнутый, неконтактный, мрачный ребенок не выказал никакого страха и сразу начал ласкать и обнимать собаку. Мать попыталась разнять их, но Левинсон остановил ее. Целый час врач наблюдал за игрой мальчика и собаки. «А можно мне прийти еще раз поиграть с Джинглсом?» — спросил ребенок в конце сеанса. Несколько следующих сеансов он провел, играя с собакой и не обращая никакого внимания на врача. Но вскоре его привязанность к собаке частично распространилась и на ее хозяина. Врач смог поговорить с ребенком, составить себе мнение о его болезни и частично разрешить проблемы, назначив соответствующее лечение.

Вскоре Левинсон взял себе в помощники еще и кошку, а потом поместил в приемной аквариум с яркими тропическими рыбками. Он считает, что некоторым замкнутым детям легче наладить контакт с кошкой, чем с собакой. А наблюдения за разноцветными рыбками, плавающими в аквариуме, успокаивают возбужденных детей, боящихся врача, и к тому же развивают фантазию. Смотреть на рыбок, по мнению доктора Левинсона, — такое же притягивающее занятие, как любоваться игрой пламени в открытой печи.

В 1970 году Левинсон провел опрос детских психотерапевтов, разослав им специальные анкеты. Из 150 ответивших ему врачей треть использует при лечении домашних животных, любимцев детей. Как можно было предвидеть, наиболее распространенным помощником является собака, на втором месте кошка.

Врачи считают, что общение с собакой отвлекает больного от мыслей о его состоянии и способствует установлению дружеских контактов между самими людьми. Видимо, собаки играют ту же роль и в повседневной жизни здоровых людей, делают своих хозяев более человечными, предупреждают срывы в результате нервного напряжения, столь характерного для городских жителей.

Врачи вывели аксиому: владельцы собак меньше болеют и дольше живут. Оно и понятно: каждое утро совместной жизни человека и собаки начинается с прогулки. Нормально влюбленный в свою собаку человек выгуливает ее — а следовательно, и себя — часа 2—3 в день. Энтузиасты гуляют с собакой, бывает, и до шести часов в день. В этот процесс порою вовлекается вся семья — бригадно или посменно. И в дождь, и в слякоть, и в прочую непогоду, когда, как говорится, хороший хозяин пса на улицу не выгонит...

А результаты налицо: в нашей семье лично я излечился после двух лет регулярных прогулок с псом от застарелой гипертонии. И жена перестала плохо спать, страдать головными болями, став каждый вечер по часу выгуливать собаку. Раньше же она, конечно, сидела на диване и безотрывно смотрела в ящик телевизора, одинаково внимая любым телепередачам. Пес помог ей.

В плохую погоду, казалось бы, трактор из дома не вытащит, да вот подойдет хвостатый друг, умильно взглянет, носом толкнет — и встаешь, вздыхая. А буйная радость и восторг собачий заражают, передаются, и на душе становится легче, и жизнь вновь кажется бесконечно долгой и полной новизны.

Чтобы собачка не зажирела, с нею полезно побегать. Трусцой или кому как нравится. Точнее, как нравится собаке.

В этом смысле собака, как говорится, не роскошь, а средство передвижения. Своего хозяина, разумеется; точнее, движитель, заставляющий человека активнее бороться с собственной гиподинамией, главной причиной большинства болезней современного человека. В будущем же, судя по стремительному росту количества легковых машин и телевизоров, эта болезнь болезней человечества будет резко обостряться, превращая человека разумного в человека сидячего...

Особо полезно иметь собаку немолодым одиноким людям. У них появляется близкое существо и объект заботы, и жизнь перестает быть бесцельной, лишенной смысла для тех, кто утратил этот смысл или не сумел его найти. Необходима собака — или иное человеколюбивое животное — и семьям, вдруг потерявшим ребенка, осиротевшим людям или тем, кто не может найти себе пару, друга, подругу. Одним словом, одиноким.

Собака с неподкупной преданностью делит с человеком одиночество, проявляя при этом настоящую собачью верность. А ведь не секрет, что одиночество у людей особенно сильно проявляется в индустриально развитых странах и крупных городах. Так, по данным французского журнала «Популясьон», органа Национального института демографических исследований, в Париже количество взрослых людей, предпочитающих или вынужденных вести одиночное существование, выросло с 32 процентов в 1954 году до 47,5 процента в 1984 году. Та же картина в крупных городах США, ФРГ, других странах.

«Жить в одиночку стало новым образом жизни, — отмечает журнал «Популясьон», — особенно среди молодежи и разведенных. А их немало: только в Париже каждый второй брак кончается разводом. Значительную прослойку одиночек составляют пожилые люди, — подчеркивает «Популясьон», — только вдов-одиночек во Франции более трех миллионов...»

Понятно, почему французы так любят комнатных собак...

Друг-собака, на мой взгляд, тоже один из вариантов решения проблемы одинокой старости. Конечно, никакое самое прекрасное животное не заменит человека — мужа, друга, ребенка. И тем не менее...

Наконец, собака — мостик к новым друзьям. Ими могут стать все окрестные собаковладельцы. Для установления контакта между собой они не нуждаются в специальном представлении, сложном ритуале знакомства или особой обстановке, специфической социальной среде. Собаки легко прорывают барьеры условностей. Вам останется лишь следовать за ними на поводке и выбирать друзей по симпатии. Общих же интересов сразу будет хоть отбавляй!

Фото Г. РОЗОВА

ЛЕСНИЧИЙ

В. КОРЕШКОВ,
фото автора

«Если бы я был волшебником...— глядя на пробегавших мимо ребят, подумал однажды Владимир Павлович Заварин, лесничий Лойменского лесничества, что в Прилузском районе Коми АССР,— я бы под Новый год нарядился Дедом Морозом и вышел к школе навстречу ребятам с большущей связкой разноцветных шаров. Но почему, собственно, надо быть волшебником? Может, попробовать!» Сказано — сделано. И вот счастливая детвора, приняв всерьез веселую шутку лесничего, веселыми возгласами: «Дедушка Мороз, дедушка Мороз!»— оглашает морозный воздух...

Не оттого ли у Владимира Заварина доброе сердце, что детство его прошло здесь, в лойменских пущах, в семье школьных учителей Клавдии Андреевны и Павла Иеронимовича, каждый из которых более трех десятков лет благородного труда отдал родному селу, его молодому поколению. А может, потому так добр и ласков с детьми лесничий, что его верная подруга и жена Елена Ивановна подарила ему двух сыновей и дочь, проработав при этом, по семейной традиции Завариных, в той же школе 35 лет. И, наверное, из того еще проистекают душевные качества Владимира Ивановича, что 200 тысяч гектаров лойменских лесов уже 34 года каждодневно требуют (и получают!) его любовь и заботу.

— Лес, словно ребенок, требует пристального, постоянного внимания. Срубить дерево — дело нехитрое, а вот сохранить, разумно произвести вырубку, уберечь от пожара и болезни, посадить новый лес и лелеять его, лелеять — главная моя забота,— говорит он.

Его лесничество всегда выполняет государственные планы, и не только по древесине. Ягоды, грибы, мед, изделия возрожденных ремесел — берестяные пестери и корзины, веники. Да, обыкновенных веников лойменские лесники сдают 23 тысячи в год. И еще 300 тонн хвойной лапки.

Леса здесь богаты зверем и птицей. Лосю, медведю, волку, лисице, куницам, белкам и зайцам, рыбе, глухарю, куропаткам живется в Лойме привольно, уютно. Все это также забота В. Заварина. Сам страстный охотник, он, если приводит случай, к браконьерству относится как к нанесенной ему лично обиде.

В наступающем году Владимиру Павловичу исполняется шестьдесят, и к многочисленным наградам войны и мира, возможно, добавится скромная медаль «Ветеран труда». Пока же Дед Мороз из Лоймы с рассвета до заката живет заботами своего леса, его обитателей и, конечно, заботами и радостями своих внуков.

Как и сто лет назад... Заботами лесничего в Лойме возродились забытые ремесла.

В руке Владимира Павловича — эхо тех дней.

И радость и грусть приходят к В. П. Заварину на вырубке леса.

Все же сыновей лучше провожать на охоту.

Эти сосны поседели вместе с ним.

К 75-летию
со дня рождения
Камиля ЯШЕНА

УЧИТЕЛЬ

Разговор о творчестве крупнейшего современного узбекского драматурга, прозаика, самобытного поэта Камиля Яшена надо начинать с тех далеких юношеских дней, когда он, только еще мечтавший о писательстве, повстречал на жизненном пути своего великого друга и наставника, основоположника новой узбекской литературы Хамзу Хакимзаде Ниязи.

Учитель. Слово это окружено на Востоке особым почитанием. По вековой традиции, здесь принято, чтобы каждый человек выбирал себе в жизни Учителя, неотступно следовал его заветам и был достоин его памяти.

Встреча с выдающимся поэтом и просветителем, пламенным революционером Хамзой определила дальнейшую судьбу К. Яшена, наложила яркий отсвет на книги писателя. После трагической гибели Хамзы, убитого шейхами-фанатиками, Яшен стал ревностным собирателем, пропагандистом и редактором его никем тогда не сохранявшегося наследия. По отрывкам, вариантам, черновикам восстанавливал он стихи и пьесы Хамзы, отыскивал недостающие фрагменты. Так возродилась не сходящая со сцен узбекских театров драма «Бай и батрак», первое национальное драматургическое произведение социалистического реализма.

С именем Хамзы связаны многие страницы творческой биографии писателя. Он запечатлел сначала память Учителя в стихах, романтическая приподнятость которых отвечала боевому духу его поэзии. Затем (в соавторстве с Умари) была написана драма «Хамза», посвященная борьбе поэта-просветителя с религиозным мракобесием. Либретто оперы, киносценарий... И вот недавно умудренный опытом мастер завершил работу над большим романом о Хамзе Ниязи.

Критика не раз отмечала, что произведения на эту тему являются лучшими в творчестве К. Яшена. Не стал исключением и последний роман.

Перед нами широкое эпическое полотно, созданное в строго реалистической манере, в центре которого живой и обаятельный образ главного героя — школьного учителя и народного трибуна, бойца, поэта, драматурга, композитора, актера и режиссера. Всего неполных сорок лет прожил он, и автор подробно рассказывает нам о его замечательной жизни, начиная с раннего детства в Шахимардане и кончая насильственной смертью в том же поселке.

К. Яшен изучил огромное количество документов, устных и письменных свидетельств очевидцев, дополнивших увиденное и пережитое им лично. В результате родилось многоплановое повествование, освещающее славный период национального прошлого.

Переведенная на разные языки, эта книга не случайно привлекла внимание кинематографистов. Всесоюзный зритель уже оценил 12 серий ленты «Огненные дороги», в историческом масштабе воплощающей биографию человека и биографию народа.

Герой Социалистического Труда, народный писатель Узбекистана, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР, академик Камиль Яшен не сразу и нелегко пришел в литературу. Учеба в Ленинградском лесном институте, преподавание литературы в школе, а в свободные часы — стихи, стихи...

В 1930 году выходит первый сборник поэта, названный им «Куёш» («Солнце»). Солнечным, оптимистичным оказалось и его дальнейшее творчество. Самоотверженная борьба трудящихся Узбекистана за становление и укрепление Советской власти в республике, счастье освобожденного труда — основные темы ранних произведений Яшена. Но это не значит, что он видел действительность в розовом свете, закрывал глаза на реальные трудности и противоречия строительства нового мира. Всей силой своего таланта писатель разоблачал средневековые пережитки в быту и сознании земляков, клеймил буржуазный национализм и ограниченность, призывал скорее покончить с феодальной отсталостью.

Стихи и пьесы Яшена тех лет несут высокие идеалы братства народов нашей страны, интернациональной солидарности. Он был в рядах первых деятелей новой национальной культуры и вместе с ними обогащал ее революционным содержанием.

На театральной сцене К. Яшен дебютировал пьесой «Разгром» о гражданской войне в Узбекистане, убедительно вскрыв сущность басмачества. Причем впервые в узбекской драматургии здесь был выведен образ стойкого коммуниста Арслана (первоначальный вариант пьесы назывался «Два коммуниста»). Музыкальная драма «Гульсара» (в соавторстве с М. Мухаммедовым) показала волнующую судьбу узбечки, выступающей за раскрепощение женщины. Острый конфликт между передовыми и отсталыми людьми новой узбекской деревни нашел отражение в драме «Честь и любовь». В годы войны Яшен, как и все его собратья по литературе, ставит свое перо на службу фронту. Не дрогнув, уходят в бой с верой в победу защитники Родины — герои пьесы «Смерть оккупантам» (в соавторстве с С. Абдуллой). Вдохновляющие образцы беззаветного мужества и доблести во имя Отчизны предстают в драме «Фархад и Ширин». Уже в мирное время Яшен пишет пьесу «Генерал Рахимов», посвященную первому узбекскому генералу, Герою Советского Союза.

Более полувека плодотворно работает Камиль Яшен в драматургии, и пьесы его составили как бы своеобразную летопись жизни социалистического Узбекистана, проделавшего большой путь борьбы и свершений. Они гимн духовной красоте советского человека, созидательной мощи нашего общества. При этом зоркий интерес к современности неотделим у Яшена от бережного отношения к национальной классике, к сокровищнице устного народного творчества.

К этому человеку неутомимой энергии, доброй и щедрой души всегда тянутся молодые прозаики и поэты.

Друзья всегда приветствуют его ласковым и уважительным «Камиль-ака», как почтительно величают Камиля Нугмановича Яшена дома, в Узбекистане. А когда у человека столько друзей, ему веселее шагать дальше, за своей путеводной звездой. И указывать дорогу другим.

Ю. ВЕТРОВ

---

30 декабря 1947 года Румыния провозглашена народной республикой. С 1965 года — Социалистическая Республика Румыния.

В. САМОШКИН

Дата эта отмечается накануне Нового года, когда по всей стране проходят веселые празднества, народные гулянья.

Загораются новогодние огни и в селе Тырпешти. При огромном стечении народа в круг вступают разодетые в маски и костюмы тридцать стариков, предводительствуемых Николае Попа. Это известный на всю Румынию мастер масок, автор костюмов для народных представлений, замечательный резчик по камню и дереву (его скульптуры удостаивались национальных премий), а также любитель-археолог, этнограф, создавший у себя дома музей археологических находок и старинных предметов народного быта. Увлекается он и литературным творчеством: со свойственным ему юмором и редкой наблюдательностью слагает хронику жизни родного села, а в стихах сочинил целый том шуточных воспоминаний о своей жизни...

Один из эпизодов этого повествования — реальный случай.

— Когда мне было восемнадцать лет,— рассказывал Николае Попа,— я увлекся археологией и обнаружил в овраге за селом стоянку эпохи неолита. Много позже, году в 60-м, здесь вели раскопки ученые и очень огорчались, что не находили целых фигурок идолов, а только разбитые. И я решил им «помочь»: сделал несколько кукол — сначала из обожженной в печи

ТВ

ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРОПОЙ

«Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «По Уссурийскому краю»... Кто из нас в отрочестве не читал или хотя бы не слышал про эти увлекательные книги, принадлежащие перу Владимира Клавдиевича Арсеньева — путешественника, ученого, писателя.

Тридцать лет — с 1899 по 1930 год, до самой смерти,— занимался Арсеньев разносторонним исследованием природы и коренного населения Дальнего Востока, осуществив ряд крупных научных экспедиций и опубликовав десятки работ, и поныне не утративших своей ценности. Русский офицер, он при почти полном отсутствии в дореволюционное время каких-

---

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

ПРАЗДНИК В ТЫРПЕШТИ

глины, потом из камня. Археологи сначала обрадовались, а потом раскусили мою проделку — пришлось во всем признаться... Но специалисты по искусству ободрили меня, и с тех пор я продолжаю это занятие.

Сказочный мир Николае Попа начинается уже во дворе его дома. Из густой травы вырастают причудливые существа — люди и звери. Их образы навеяны народной фантазией. Работы мастера побывали на выставках во многих странах мира.

Но больше всего Николае Попа из села Тырпешти прославился своими масками, продолжающими древнюю традицию этого уголка на севере Молдовы. Именно его непревзойденное искусство в изготовлении масок вдохнуло новую жизнь в бытующие здесь издавна ночные новогодние представления, собирающие в его родном селе сотни жителей из окрестных деревень, гостей из других уездов страны, а также иностранных туристов.

Одни из масок изображают людей, другие животных — все это сказочные персонажи румынского фольклора: старик и старуха, цыган и купец, юноша и дама, доктор и жандарм, урод и черт, козел и медведь, баран и конь... Каждая покоряет своей достоверностью, выразительностью, индивидуальностью черт.

Необычайная сила выразительности достигается довольно простыми средствами. Маска делается из овечьей шкуры, дерева или цветных лоскутьев. Особенно красивы, считает Николае Попа, маски из липовой коры. Он возродил и традицию маски из металла (чеканка по меди). «Одевается» маска тоже вроде бы нехитро: борода из крашеной пакли, зубы — из фасоли, губы тряпичные. В дело идет и старая фетровая шляпа и гусиное перо... А «посмотрит» на тебя такая маска — как живая!

В новогоднюю ночь под звон колокольцев, что прицепляют к сапогам, над селом Тырпешти начинают звучать традиционные колядки, в тексты которых вплетаются и стихи, сочиненные Николае Попа. В них воскрешаются события в жизни односельчан за минувший год, славятся трудовые успехи земляков и всех граждан страны.

— Под маской можно говорить все — и хорошее и плохое,— лукаво улыбается Николае Попа.— Нередко в колядках и частушках мы критикуем и некоторые явления нашей жизни.

Колядки сменяются обрядами — смешным «Шествием коз», уморительной «Медвежьей пляской», мини-пьесой «Гайдук Янку Жиану» о борьбе гайдука — народного заступника с жандармами и боярами...

В новогоднюю ночь раскрывается еще один дар Николае Попа: хорошо зная древние народные обычаи, он исполняет их с такой же естественностью, с какой румынский крестьянин сеет, жнет, печет хлеб.

Надолго остается у всех в памяти праздник красоты и веселья. Это добрый урок приобщения к прекрасному для подрастающего поколения. Николае Попа с радостью говорил мне, что ежегодно накануне Нового года большие фестивали народных обычаев проводятся и в уездном центре — Пьятра-Нямц. Бережное отношение к культурному наследию, к чистым истокам народного творчества — характерная черта в жизни социалистической Румынии.

либо достоверных сведений о крае становился по мере надобности то натуралистом, то географом, то экономистом, стремясь обратить внимание на все, что было важным и интересным для науки и практической хозяйственной деятельности.

Жизнь этого отважного, благородного человека, полная неустанных трудов, лишений и опасностей,— пример юношеству, мечтающему о романтике дальних странствий. И хорошо, что Центральное телевидение обратилось к ней в большом документальном фильме режиссера С. Сатыренко «Тропой Арсеньева».

Автор сценария писатель Ник. Задорнов предстает на экране также в роли ведущего. А выдержки из писем и дневников Арсеньева читает за кадром артист Ю. Соломин, которому довелось воплотить его образ в картине знаменитого японского кинорежиссера А. Куросавы «Дерсу Узала».

Со своим верным другом и спутником Владимир Клавдиевич прошел неизведанными таежными маршрутами. И вот теперь создатели фильма повторяют этот путь.

Он и сегодня местами нелегок, а тогда требовал поистине героических усилий. Представление о нем дают старые фотографии и кинокадры, воспоминания людей, знавших Арсеньева, его дневниковые записи. Немало волнующего и примечательного открывается зрителю в этом обстоятельном путешествии.

Походная тропа Арсеньева начиналась прямо там, где сейчас находится дальневосточный музей писателя. Она пролегла по нынешней трассе БАМа. Она приводит нас на берега озера Ханка, у которого Владимир Клавдиевич прощался с Дерсу...

Разные грани таланта Арсеньева отражают звучащие с экрана рассказы коллег Владимира Клавдиевича. Он оставил свой след в ботанике и археологии Приморского края, выступил автором получившей в наши дни подтверждение смелой гипотезы об историческом родстве североамериканских индейцев со здешними народностями.

В этой связи создатели фильма поднимают с экрана вопрос о необходимости собрать воедино частично еще рассеянное и неизученное рукописное наследие Арсеньева — исследователя, краеведа, писателя и, главное, ревностного патриота нашей великой Родины.

«Как жаль, что я так мало знаю и что жизнь так кратковременна...» Это последние строки В. К. Арсеньева. Новая интересная документальная лента, показанная по Центральному телевидению, призывает молодое поколение продолжить его славную тропу.

Ю. ОСИПОВ

На 60-м году жизни скоропостижно скончался Марк Михайлович Баринов, директор Государственного музея А. С. Пушкина. Он был добрым другом нашего журнала, писателем, прекрасным журналистом. М. Баринов долгие годы работал корреспондентом «Огонька», его честные, талантливые статьи и очерки всегда вызывали большой интерес и благодарный отклик читателей. Марк Михайлович был мужественным и скромным человеком. Юношей попал он в пламя войны с фашистами, храбро сражался, был награжден боевыми наградами. Капитан первого ранга в отставке, он навсегда сохранил любовь к морю, высокую романтику души.

В последние годы М. Баринов активно занимался проблемой сохранения памятников отечественной истории и культуры. Его бескомпромиссные, принципиальные, глубоко аргументированные выступления в «Огоньке» и других изданиях помогли спасти целый ряд замечательных памятников прошлого.

Особой любовью М. Баринова был Пушкин. Он много писал о Михайловском, которое очень любил и которому всегда помогал вместе со своими юными воспитанниками из клуба «Встреча с будущим» при ЦДРИ. Страстно выступал в защиту страны пушкинского детства, подмосковного Захарова; успел немало сделать для открытия мемориального музея А. С. Пушкина на Арбате.

Работая директором Государственного музея А. С. Пушкина, М. Баринов продолжал активно и плодотворно сотрудничать с «Огоньком». Мы знали о его широких творческих планах, видели, как много сил, энергии, таланта отдавал он музею, пушкинской Москве, всему, что связано с памятью о великом национальном поэте.

Марк Михайлович Баринов честно прошел по жизни, сделал много добрых и светлых дел. Мы всегда будем помнить его.

ОГОНЬКОВЦЫ

ПОЕТ АННЕ ВЕСКИ

Пытались разыскать ее в Таллине, а она оказалась в Москве. Из Москвы вскоре улетала в Йошкар-Олу... Но все же мы договорились с ней встретиться.

Мороз в тот вечер отступил, снегом, однако, решил побаловать: он все шел и шел. От метро к Лужникам, уминая небольшие сугробы, текли людские ручьи, и я к ним пристроилась. Так и оказалась у дверей зала «Дружба», где проходили концерты Анне Вески, заслуженной артистки Эстонской ССР, лауреата Всесоюзного и международных конкурсов, в сопровождении ансамбля «Немо».

Мы сидим в артистической перед началом концерта, Анне кладет легкий грим на лицо. Поминутно кто-нибудь заходит к нам, но мы стараемся не отвлекаться от разговора.

Родом она из небольшого городка Рапла, что под Таллином. Поет с тех самых пор, как себя помнит.

— Если в доме все живут музыкой — и мать и отец,— то по-другому и быть не может. Они сами в хоре пели и меня с братом Матти за собой на репетиции водили. Отец еще на аккордеоне играет. Мы просто родились такими — поющими. Ведь вся Эстония поет,— говорит Вески.

Анне не расставалась с песней ни в музыкальной школе, где училась по классу фортепиано, ни в музыкальном училище. Казалось, путь уготован. Но Анне стала студенткой Таллинского политехнического института.

— Все равно я знала,— говорит Анне,— где бы ни работала, петь не перестану. Просто в тот момент не оказалось рядом человека, который укрепил бы меня в решении стать певцом-профессионалом. А в самодеятельности участвовала. Один конкурс стал для меня счастливым. Республиканский «Ищем таланты». Потом меня показали на телеэкране.

Уже шесть лет Вески на сцене. Самым удачным для себя певица считает год уходящий. Он был так насыщен событиями, что показался ей коротким. И прежде всего помнится, конечно, победа на фестивале песни «Сопот-84» в Польше, а там собрались представители из двадцати шести стран. Вески завоевала два первых места, сразу в двух конкурсах. Такое случается нечасто! Этого не ожидала прежде всего она сама. Пела «Польку» Катажины Гертнер, песню «Надежда не гаснет» эстонского композитора Кустаса Кикиерпу и, наконец, песню Игоря Суруханова «Позади крутой поворот», широко известную в ее исполнении. Она покорила голосом и артистизмом, обаянием и искренностью. К ней были благосклонны и жюри, и публика, тоже весьма взыскательное жюри... Победа в Сопоте не только ее личная победа, это победа советского эстрадного искусства.

...Мы заговорили по поводу «звездной болезни». О том, мешает ли слава жить.

— Пока не мешает,— говорит Анне.— Славы, то есть популярности, артист добивается. Мечтает, чтобы его полюбили, признали. Но если хочешь быть популярным, умей трезво оценить тяготы этого.

В нынешнем году Вески все время на гастролях.

— Не успею домой приехать и опять собираюсь в дорогу. Колесила и по республике, и по стране; было пять зарубежных поездок. Недавнее турне по Венгрии: как же тепло принимала публика, с каким доброжелательством!

Тут, кстати, зашел разговор и о публике. У Анне определилось свое мнение: она хочет, чтобы зрители «активно участвовали в концерте». Что же она под этим подразумевает?

— Люди душой должны разделить с артистом то, что он хочет до них донести. Тогда и получат радость от общения с артистом. А если не хочешь быть наравне,— тут Анне проявила твердость,— не ходи на концерт, сиди дома! Но при этом, конечно, у артиста должен быть богатый духовный мир. Ну, и еще — плохой человек не может быть хорошим артистом!

На концерте Вески я была «активным участником» и получила огромное удовольствие... Пела она об извечном. О любви, о детях, о теплоте людской... Пела то весело и задорно, то с легкой грустинкой, то с озорством и лукавинкой. Двигалась то быстро, то мягко и плавно танцуя. Она естественна и органична на сцене — она живет песней...

...Я зашла в артистическую после концерта. Анне, только что лучезарная, вся как-то сникла, даже погрустнела. Я поняла: она частичку себя оставила нам, и вспомнила ее признание: жизнь артиста сложна и трудна. Иногда даже хочется, чтобы не было привычной суматохи. Но только иногда. Долгого покоя Анне не выдерживает.

Новый год она хочет встречать обязательно дома, тихо, с семьей. И чтобы маленькая дочка Керли была рядом... А мне подумалось, что не придется Вески особенно спокойно посидеть дома под 1 января. Особенно, если перечитать пожелание, которое Анне записала для «Огонька» в мой репортерский блокнот: «Оставьте в новогоднюю ночь ключи снаружи, чтобы самый долгожданный гость мог прийти в гости».

Л. НАТОЧАННАЯ

Если бы я был Дедом Морозом...

Тарас ПАРАЩЕНКО,
смотритель маяка

Дед Мороз — это всегда свет, свет огней в миллионах благоустроенных квартир советских людей в предновогоднюю ночь, отблески искрящегося снега в вихре поземки, пламень улыбок счастливых наших соотечественников. Моя профессия, которой я уже отдал более тридцати лет, тоже, наверное, у каждого ассоциируется со светом. Его ждут, ищут глазами тысячи моряков, плавающих по Каспийскому морю.

И если бы я был Дедом Морозом, то пожелал бы всем читателям журнала «Огонек», всем советским людям, чтобы каждый наш человек шел к своей мечте, к своей заветной цели, имея перед собой надежный ориентир всевидимого маяка.

В. ЧЕБУРЦОВ,
мастер-пекарь, заслуженный работник пищевой индустрии РСФСР

У Владимира Михайловича ясные глаза, он весел, подвижен, подобран, четок в движениях. Чебурцов не курит, потому что физкультурник он убежденный, так сказать, пожизненный. Спортивная его специальность — лыжник, а пекарская — мелкоштучник. Он печет лепешки, рогалики, булочки, сдобу. По пословице, сани готовит с лета — закупает для спортсменов хлебозавода лыжи, палки, мазь, ботинки. Разбирается он в этом деле не хуже, чем в бубликах и баранках, недаром Владимир Михайлович возглавляет совет физкультурников хлебозавода.

— И дочь с зятем у меня лыжники, и внучку я в прошлом году поставил на лыжи,— с гордостью сообщает мастер.

Есть у Владимира Михайловича и третья должность, которую ему никто не поручал, а так, само собой получается. Он воспитывает молоденьких девушек-пекарей, приехавших в Москву из села.

— Отцовский пригляд им нужен,— говорит Чебурцов. И тактичным, ненавязчивым словом ориентирует девчат в новой для них, совсем самостоятельной жизни, чтобы не сбились они с пути в соблазнах и круговерти огромного города.

— А вот если бы вы были Дедом Морозом, Владимир Михайлович...

— Прежде всего я бы подсыпал снегу зимой, создал бы лыжный рай с пятнадцатого эдак ноября, чтоб без оттепелей... Ну, а если чуть серьезнее, то подбросил бы механизмов в цех, чтобы руками по тесту не шлепать, чтоб женщинам в ночную смену не маяться. Пусть машины суетятся, их дома все равно не ждут, верно?

Интервью взяли Н. БУМАГИНА, В. МОРОЗОВА, В. ЗАСЕЕВ.

Фотографировали А. БОЧИНИН, В. ЗАСЕЕВ, А. НАГРАЛЬЯН.

Дмитрий БРУДНЫЙ

Из блокнота театрала

* * *

Известные трагики русского театра, братья Адельгеймы, гастролировавшие в провинции, каждый раз, когда приезжали в незнакомый для себя театр, проводили тщательные репетиции с труппой.

Готовясь к выступлению в «Разбойниках» Ф. Шиллера, Роберт Львович Адельгейм долго и настойчиво репетировал массовую сцену, в которой принимал участие присланный на сцену взвод солдат. Наконец все наладилось. Роберт Львович успокоился.

Но произошло то, чего артист не предвидел: на спектакль прислали другой взвод солдат. У того взвода, что репетировал, кончился наряд.

* * *

Знаменитая актриса Александринского театра Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова, приехав в Москву, была приглашена в Малый театр. Играли легкий, изящный «Стакан воды» Э. Скриба. Водевиль давал актерам возможность развернуть во всю силу яркую театральность, совершенство манер, музыкальную утонченность. И все это дарили зрителям королева Анна — Мария Николаевна Ермолова, герцогиня Мальборо — Елена Константиновна Лешковская, Болингброк — Александр Иванович Южин-Сумбатов...

Взволнованная спектаклем В. А. Мичурина-Самойлова прошла за кулисы и спросила Александра Ивановича:

— Что это вы сегодня играли?!.

Южин непонимающе поглядел на гостью:

— Как что? «Стакан воды»!

— Нет,— возразила Вера Аркадьевна. И лукаво добавила: — Вы меня обманули: пригласили на «Стакан воды», а угостили бокалом шампанского!

* * *

Великий трагик русской советской сцены Александр Алексеевич Остужев был непостижимо разнообразен в интонационных оттенках роли, всегда точных, звучных и ясных. Казалось, каждая фраза у него напоена музыкой. Все звуки удивительного бархатного тембра были выверены, точно соответствуя действу, которому были предназначены.

При этом Остужев ссылался на знаменитого итальянского актера Томмазо Сальвини. Объясняя, как он добился необыкновенного звучания каждой фразы, Сальвини отвечал:

— Очень просто. Я читаю фразу 800 раз.

* * *

Накануне своего 70-летия Константин Сергеевич Станиславский занемог. Врачи установили строгий режим и запретили какие-либо посещения. Но как можно проводить юбилейное торжество без самого юбиляра?!. На квартире установили радиоприемник, чтобы он мог хотя бы услышать обращенные к нему приветствия.

В тот вечер к нему «прорвались» Антонина Васильевна Нежданова, Леонид Витальевич Собинов и несколько мхатовцев, среди них — Михаил Михайлович Яншин, который впоследствии вспоминал об этом.

Станиславский сидел в костюме; на нем была белоснежная рубашка, традиционная «бабочка», неизменное пенсне на длинном тонком шнурке. Приветливо улыбаясь гостям, Константин Сергеевич недоверчиво поглядывал на стоявший перед ним приемник, а потом, устроившись поудобнее в кресле, сказал:

— Ну, что ж, послушаю... какая у них дикция!

* * *

Ваграму Камеровичу Папазяну предстояло играть очередной спектакль. Ему пришлось взять с собой в театр маленькую дочку.

За день девочка устала и с трудом сидела на представлении. Когда началась заключительная сцена, ей показалось, что Отелло слишком долго разговаривает с Дездемоной. Девочка не выдержала и на весь зал, громко сказала:

— Папа, скорее задуши тетю и пойдем спать...

* * *

Актриса МХАТа Ольга Ивановна Пыжова многие годы была дружна с Василием Ивановичем Качаловым; в разговоре оба позволяли себе легкую добрую иронию.

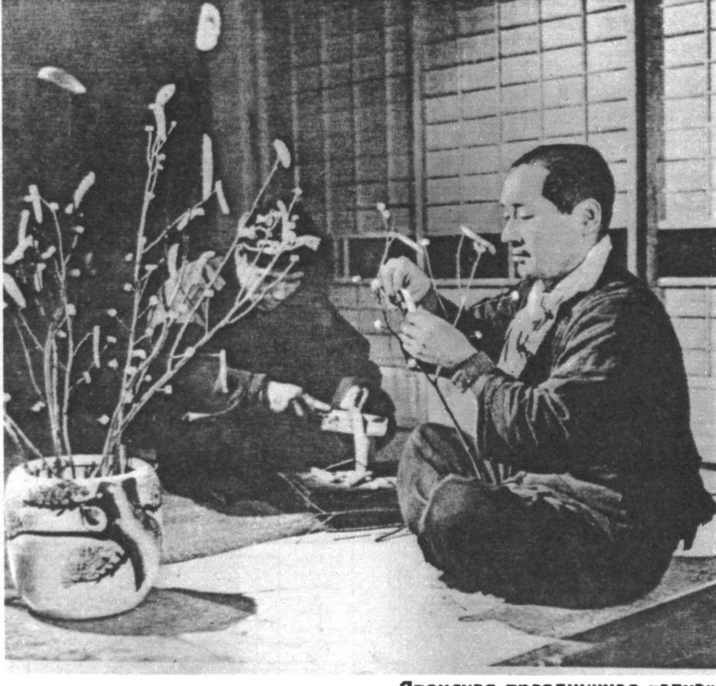
Однажды Ольга Ивановна сказала Качалову в упор:

— А знаешь, Василий Иванович, напрасно думаешь, что ты такой добрый и тебя никто не боится... Многие тебя очень боятся!..

Тут Ольга Ивановна сделала паузу и весело закончила:

— Боятся, Василий Иванович, тебе не понравиться!

Японская праздничная «елка».

Новый год — круглый год

Георгий МАССАРЫГИН

В различных странах Новый год встречают в самое разное время.

С нашей точки зрения, самая необычная встреча Нового года бывает в Бирме и в Таиланде. Это происходит в жарком апреле, называется «Праздником воды», и длится он три дня. Каждый запасается ведерком или чашей, чтобы в ответ окатить поздравившего его с Новым годом водой (неплохо, если шафранной, хотя и простая, чистая вода в жару помогает сделать праздник живым и веселым).

В соседней Кампучии, где Новый год встречают в те же дни, шафранной водой омывают статую Будды и окропляют ею горки песка, имеющие символическое значение,— в эти горки втыкают флажки и благовонные палочки. В домах подобные горки могут также делать из сырого или вареного риса. С приходом Нового года трубят в раковины, начинается праздник, песни, танцы, игры. Наступающее время считается благоприятным для свадеб.

У японцев, помимо простых житейских обычаев (как, например, необходимость расплатиться со всеми долгами перед Новым годом), существует довольно сложный ритуал на первые двенадцать дней нового года. Например, перед дверью подвешиваются или устанавливаются ветви сосны, символизирующей силу и здоровье, а также бамбук, символ быстрого роста и прямоты. Священная веревка «шимеказари» из рисовой соломы натягивается перед дверью дома, вокруг колодца, преграждая вход «злым духам». В полночь раздается 108 ударов колокола, транслирующихся по радио. С последним ударом надо ложиться спать, чтобы подняться затемно и, всей семьей, выйдя на улицу, встретить рассвет нового года. В Японии существует нечто подобное нашей новогодней елке: в дом приносят небольшое деревце, которое украшается рисовым печеньем в виде колосков, коконов шелкопряда, серпов, мотыг и т. п. Перенесенный же в торговые районы современного города (особенно в Токио), этот обычай преобразился в развешивание под потолком магазинов на раскрашенной орнаментами доске миниатюрных моделей «кораблей с сокровищами», золотых и серебряных монет, сверкающих камушков и т. п. На четвертый день проходят торжественным маршем пожарные команды. Праздничные дни заканчиваются сожжением новогодних украшений и декораций.

В Индии, кроме единого официального Нового года 1 января, существуют еще и местные встречи Нового года в разных штатах и в разное время. В Северной Индии его, например, празднуют 13 апреля, непосредственно перед началом уборки урожая, в Западной — в месяце «картик» (октябрь — ноябрь), когда вся Индия отмечает «дивали» — праздник света.

В Афганистане Новый год празднуется в день весеннего равноденствия, в марте. Праздник называется «новруз», то есть «новый день». В это время совершается обряд «кульбакаши» — проведение первой борозды на полях. Раньше первую борозду в стране «проводил» король в сопровождении свиты. В наши дни на полях за сохой или плугом первыми проходят наиболее уважаемые односельчане.

Новруз в Иране начинается 21 марта и длится тринадцать дней. В момент наступления Нового года нужно держать в руке серебряную монетку. Все желают друг другу прожить сто лет, едят омлет с зеленью и пилав (блюдо из риса). Праздничный стол — расстеленное на полу покрывало — должен обязательно иметь на себе «хафт син», семь приносящих счастье предметов: яблоко, чеснок, уксус, проросшее зерно, сок зеленых колосьев, руту и плоды лоха.

В Сьерра-Леоне, в Африке, Новый год встречают в конце апреля — начале мая, тогда, когда заканчивается засушливый сезон; в Эфиопии — в середине сентября, тогда же, когда празднуют конец уборки урожая. В этот день жители собираются на окраине города или села, приносят с собой вязанки хвороста, который складывают в большие снопы и поджигают. Вокруг громадного костра устраивают торжественные шествия, игры и танцы.

Огонь при праздновании Нового года популярен и у многих народов Южной Америки. Например, в Эквадоре из старой одежды делают набитое соломой чучело Старого года, которое усаживают перед домом, снабдив его трубкой и тростью. В полночь зачитывается «Завещание Старого года», где перечисляются все семейные неприятности, от которых хотелось бы избавиться в наступающем году, зажигается спичка, и Старый год исчезает в пламени, унося с собой неприятности.

В Бразилии под Новый год на пляже Копакабана загораются тысячи свечей, поставленных на песок в знак поклонения Морской царице. Женщины, одетые в длинные белые платья, заходят в воду и разбрасывают лепестки цветов в бурно шумящий прибой.

В Мексике, готовясь к Новому году, изготовляют миниатюрные изображения предметов, о которых мечтают, и кладут их у подножия креста. Все делается очень аккуратно: например, домики — из расщепленного тростника, ослики и домашний скот — из палочек.

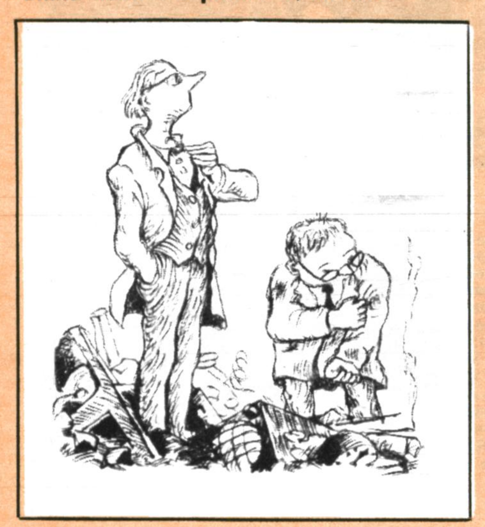
В Европе встреча Нового года 1 января окончательно установилась в XVI—XVII веках (раньше Новый год встречали весной, хотя еще Юлий Цезарь перенес праздник с марта на январь, сделав это в честь божества Януса Двуликого, обращенного одним лицом к прошедшему году, другим — к наступающему). Во всех европейских странах много общих черт в новогодних обрядах: в деревнях везде проходят песенные, а иногда и театрализованные колядования.

В Англии, как и в других странах, очень популярен обычай снимать «сливки с колодца», то есть набирать воду в Новом году самым первым (для чего особенно рьяные просиживают всю новогоднюю ночь у колодца). Вода эта, считается, обладает магическими качествами, ее дают пить коровам, моют ею сельскохозяйственный инвентарь.

Огонь широко используется в новогодних празднествах во многих европейских странах. В предновогодних стокгольмских газетах, например, можно встретить объявление о том, каких размеров (12 или 15 метров высотой) будет соломенный козел, предназначенный для церемониального сожжения в новогоднюю ночь.

В Голландии наступление Нового года приветствуется гудками пароходов и фабричными гудками. Поскольку Новый год в большинстве стран Европы совпадает с днем святого Сильвестра (одного из римских пап), то в Голландии принято проснувшегося последним в этот день величать Сильвестром и брать с него штраф.

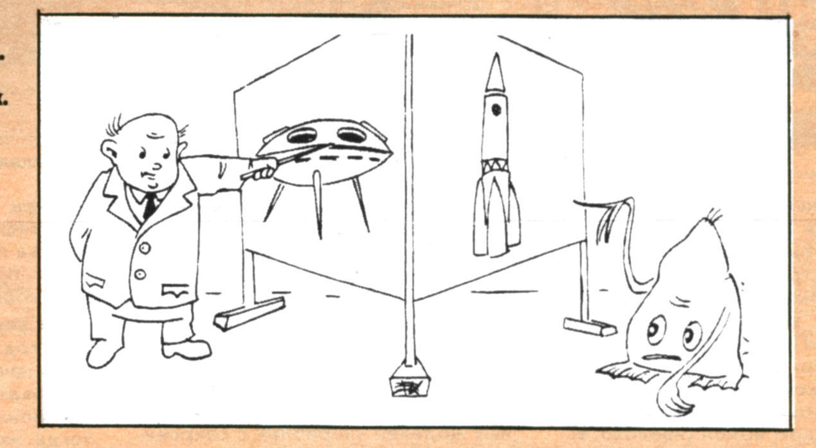
В общем, бесконечно богата весельем и радостью история и сегодняшний день новогоднего праздника во всем мире. Пожелаем же счастливого Нового года, мира и благополучия всем людям планеты!

Опять попали в резонанс, коллега.

Продувка модели самолета глазами теоретика.

Лекция о НЛО... у нас и у них.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ, — ПЕРЕРЫВ!

Ценная находка.

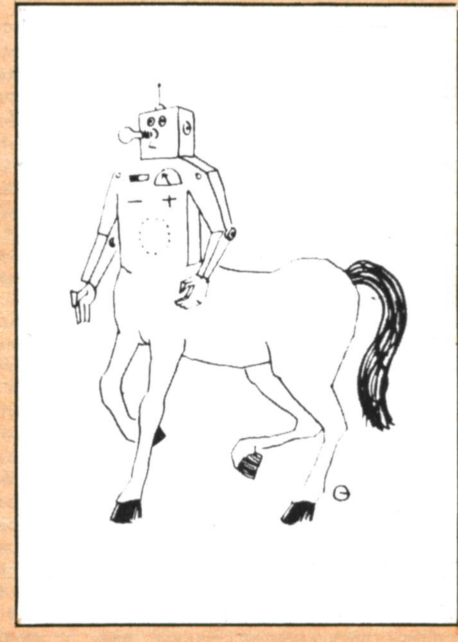
Встречая Новый год, даже самые серьезные люди улыбаются. В предновогоднем интервью с заместителем главного редактора журнала «Наука в СССР» И. А. Зудовым речь тоже пошла о веселой шутке.

— «Остановись, мгновение,— перерыв!» — так называется рубрика в нашем академическом журнале,— говорит он.— Журнал наш молодой, первый номер вышел в 1981 году. И хотя авторы и члены редколлегии журнала имеют подчас мировые имена в науке (достаточно сказать, что главный редактор академик Г. К. Скрябин — Главный ученый секретарь Президиума АН СССР, а перечень редколлегии открывает Президент АН СССР академик А. П. Александров), юмору мы отводим почетное место.

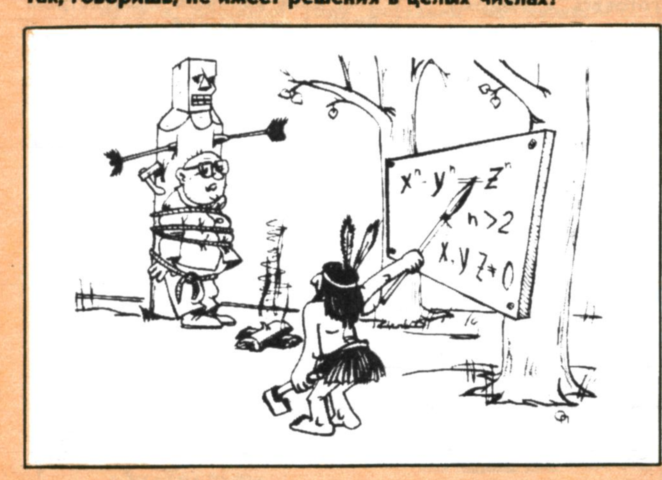
Все знают знаменитый Физико-технический институт — колыбель многих советских ученых. Академик Петр Леонидович Капица, например, лауреат Государственных, Нобелевской и других премий, больше всех своих званий гордился тем, что он профессор Физтеха. Петр Леонидович любил и ценил шутку, даже если сам был ее объектом, что, скажем честно, удается только избранным. Традиция эта осталась в Физтехе и сегодня.

В качестве новогоднего подарка «Огоньку» мы предоставляем вам веселые рисунки физтеховцев.

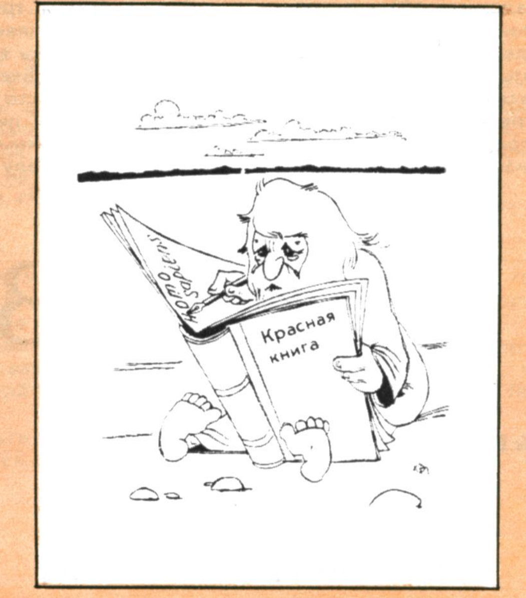
Итак, остановись, мгновение,— перерыв!

Современный кентавр.

Так, говоришь, не имеет решения в целых числах!

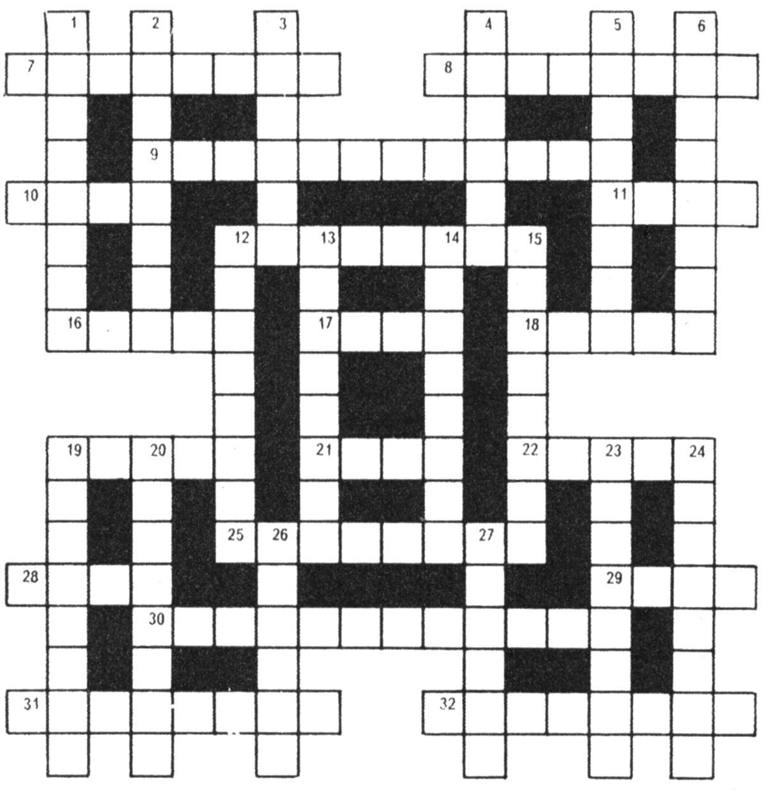

А вдруг будет так!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Советский боец, герой движения Сопротивления в Италии, Герой Советского Союза. 8. Польский астроном XVI века. 9. Курорт в Ставропольском крае. 10. Южное созвездие. 11. Канат. 12. Советский писатель, Герой Социалистического Труда. 16. Маршал Советского Союза. 17. Средство для переправы. 18. Стяг, флаг. 19. Сорт груш. 21. Конусообразная сеть для ловли рыбы. 22. Советский летчик-космонавт. 25. Картина П. Рубенса. 28. Музыкальное произведение для одного исполнителя. 29. Приток Оби. 30. Действующее лицо пьесы В. В. Маяковского «Баня». 31. Рассказ А. П. Чехова. 32. Выставленный для обозрения предмет в музее.

По вертикали: 1. Часть удочки. 2. Русский поэт, представитель классицизма. 3. Город в Швейцарии. 4. Химический элемент, металл. 5. Плодовый сахар. 6. Остров Канадского Арктического архипелага. 12. Русский живописец, передвижник. 13. Газетный работник. 14. Крупная птица, обитающая на болотах в верховьях Нила и Конго. 15. Древнее государство. 19. Грызун. 20. Дикая роза. 23. Театральная сказка К. Гоцци. 24. Прибор для проверки горизонтальности в строительных работах. 26. Приток Дона. 27. Указатель, реестр имен, названий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 7. Соколова. 8. Индостан. 9. Голованов. 12. Чемпион. 15. Татищев. 16. Делегат. 17. «Паяцы». 18. Шельф. 19. «Квартеронка». 20. Устой. 22. Норка. 24. Алеврит. 26. Кендырь. 27. Кенитра. 30. Тимирязев. 31. Контроль. 32. Кедровка.

По вертикали: 1. Портьера. 2. Хоровод. 3. Камов. 4. Ситар. 5. Адвокат. 6. Капитель. 10. Эпициклоида. 11. Минералогия. 13. «Недоросль». 14. Медведева. 15. Танцовщик. 21. Смеляков. 23. Корзинка. 24. Архипов. 25. Теберда. 28. Фильм. 29. Вятка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Заслуженная артистка Эстонской ССР Анне Вески.
(См. в номере материал «Поет Анне Вески»).

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вас приветствуют Степан Исаакян и Манук * «Ледовая мозаика» — участники «Детского театра на льду» Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола и циркового балета. (См. в номере материал «Чудеса, да и только!»).

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 3.12.84. Подписано к печати 19.12.84. А 12907. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87, Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 4099. Заказ № 3870.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В гардеробной С. Исаакяна перед выходом.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

Когда ни приди в цирк, манеж занят. По началу очередных репетиций можно проверять часы. А перед Новым годом напряжение особенное.

Вот и сейчас на манеже Московского цирка на Ленинских горах репетируется «Прометей». Спектакль о мужестве человека. О пути к звездам.

Появился «Прометей» благодаря неуемной фантазии народного артиста СССР Владимира Александровича Волжанского. До последних дней своей жизни Волжанский не считал, что работа его завершена,— впрочем, так бывало всякий раз, когда он брался за что-нибудь новое: работал не покладая рук, а конец задуманного вечно отдалялся и отдалялся, подобно тому, как горизонт уходит от идущего в степи человека... Очередные трюки и замыслы одолевали артиста, не давая ему передышки. И не счесть, сколько он выдумал-перевыдумал на своем беспокойном веку. Он летел по канату на роликовых коньках, взмывал с трамплина ввысь и приземлялся на нижней площадке. Зрители ахали от неожиданности. И от восторга: трюк был архисложным. Восемь раз Волжанский, приземляясь, ломал руку в локте. Но снимал гипс и снова взмывал, совершая невообразимое чудо полета.

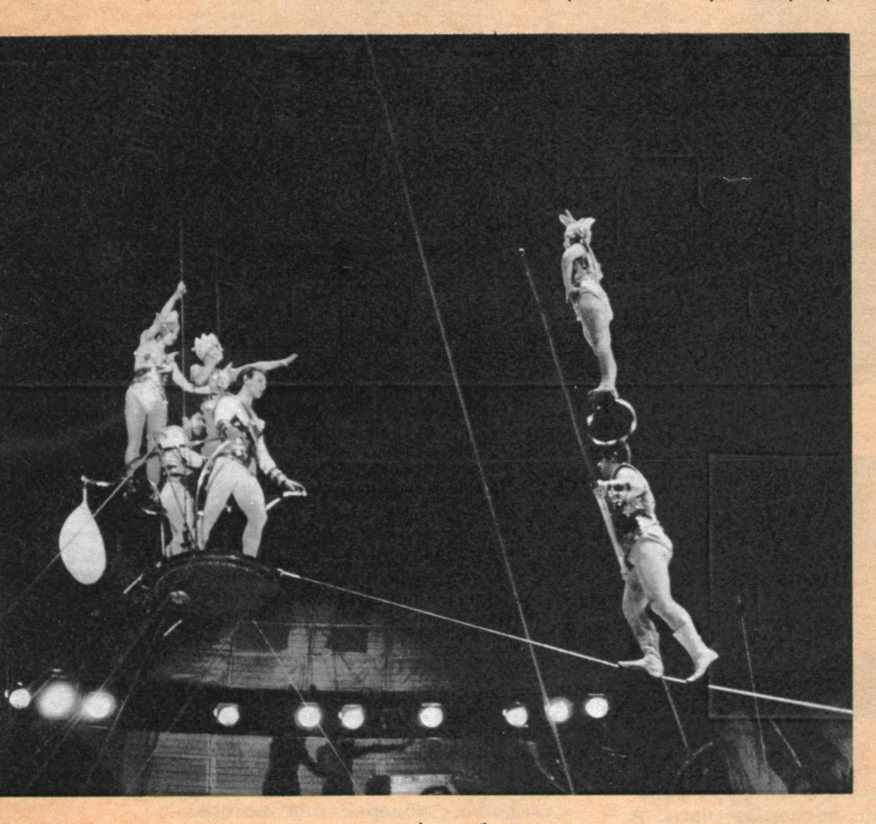
В новом московском цирке Волжанский первым покорил огромное подкупольное пространство. Он поднял канат на высоту десятиэтажного дома — там стартовал его «Прометей».

Как-то давно Владимир Александрович подарил мне фотографию, где он стоит, улыбаясь, подхватив на руки двоих внучат. Сегодня внуки, Володя и Маша, вместе с родителями работают на канате. Наследникам Волжанского тоже выпала не такая уж легкая доля — быть верными своему делу. И своему деду: его воле, его фантазии, его смелости, его требовательности к себе. Короче — его цирковым традициям. Работают они, канатоходцы, так, что костюмы не просыхают от дневного спектакля до вечернего,— репетируют без устали, стремясь сделать то, что не успел завершить сам Волжанский...

Светлана Микитюк и Вячеслав Золкин — антиподисты. Своеобразные жонглеры, которые подбрасывают ногами и ловят различные предметы. Но антиподистов в цирке много. А этот номер единственный. В нем полноправными партнерами людей выступают медведи. Когда артисты задумали свою работу, в «Союз-

госцирке» долго сомневались: медведей на манеже и так много развелось, прямо как в лесу... Медведи Филатовых, Касеевых, Подчерниковой, Чепяковых, Пузакова, Эдер... Всех даже и не перечислишь! А теперь вот номер Золкина и Микитюк. Они же никогда даже намордников зверям не надевали.

В сегодняшней программе Светлана, лежа на антиподной подушке, виртуозно исполняет сложнейшие трюки, а Вячеслав поднимает ногами стокилограммового Малыша, и тот мастерски перекидывает мячи. Кажется, что и артисты, и их косолапые партнеры все это делают шутя, делают «запросто». Но это и есть тот высокий профессионализм, когда зрители думают, что уникальные трюки исполняются играючи — будто совсем легко! Вот для этого — чтобы так было и впредь — репетиции идут ежедневно. Идут строго по расписанию. Последние годы в номере появились новые «артисты». Особенно талантливым оказался медвежонок Максик, которого подобрали в костромских лесах геологи. В свои два года юный медвежонок вертит антипод, как человек,—

1

двумя лапами, а не тремя (подобно всем остальным медведям). Но Слава Золкин ни на секунду не забывает о своенравном характере своих подопечных, он требует, чтобы все в цирке обращались с ними на «вы». Он специально предупредил на гастролях в Колумбии местных униформистов: «Не засовывайте при медведях руки в карманы,— наши мишки будут ждать, что вы их чем-то угостите». Тогда один униформист решил сделать это нарочно и посмотреть, что будет... Малыш ждал-ждал, видит: сладостей не дают, а время подошло на манеж выходить. Тогда он схватил за ноги и выволок на манеж, как антиподную сигару, незадачливого служителя. С тех пор тот и близко не показывался, когда наступало время четвероногих артистов. И не зря в проходах выставлены таблички: «Осторожно! Хищники».

За кулисами время чувствуешь по особым приметам. Для разминки вышел на репетиционный манеж Александр Арнаутов. Раз за разом поднимает он на вытянутых руках свою партнершу, а она отжимает раз за разом стойки: значит, скоро партерный полет. Оглушительно грохнуло у форганга — это клоун Александр Родин закончил свою репризу: нужно, чтобы закулисный «выстрел» был слышен в самых дальних рядах циркового амфитеатра.

Вот в динамиках звучит «Арлекино». Значит, поднят ледовый манеж. Ведут поближе к форгангу бегемота Манука. И когда бегемот поначалу неуклюже двинется по барьеру, вам и в голову не придет, что он может мчаться со скоростью паровоза!.. Однажды эта поразительная быстрота спасла жизнь Степану Исаакяну. Дрессировщик решил приохотить к манежу пугливую антилопу-канну, которая на африканских просторах и на полкилометра не подпустит к себе человека. Исаакян сам поил и кормил ее. А как-то открыл дверцу, и — не успел глазом моргнуть!— дикая канна выскочила из вольера. Артист стоял, прижатый к клетке бегемота решетчатой дверцей. В любую секунду антилопа могла распороть человека кинжальными рогами. Но тут бегемот с непостижимой быстротой выскочил из своего бассейна и зарычал так громко и грозно, что канна стремглав кинулась к себе в вольер...

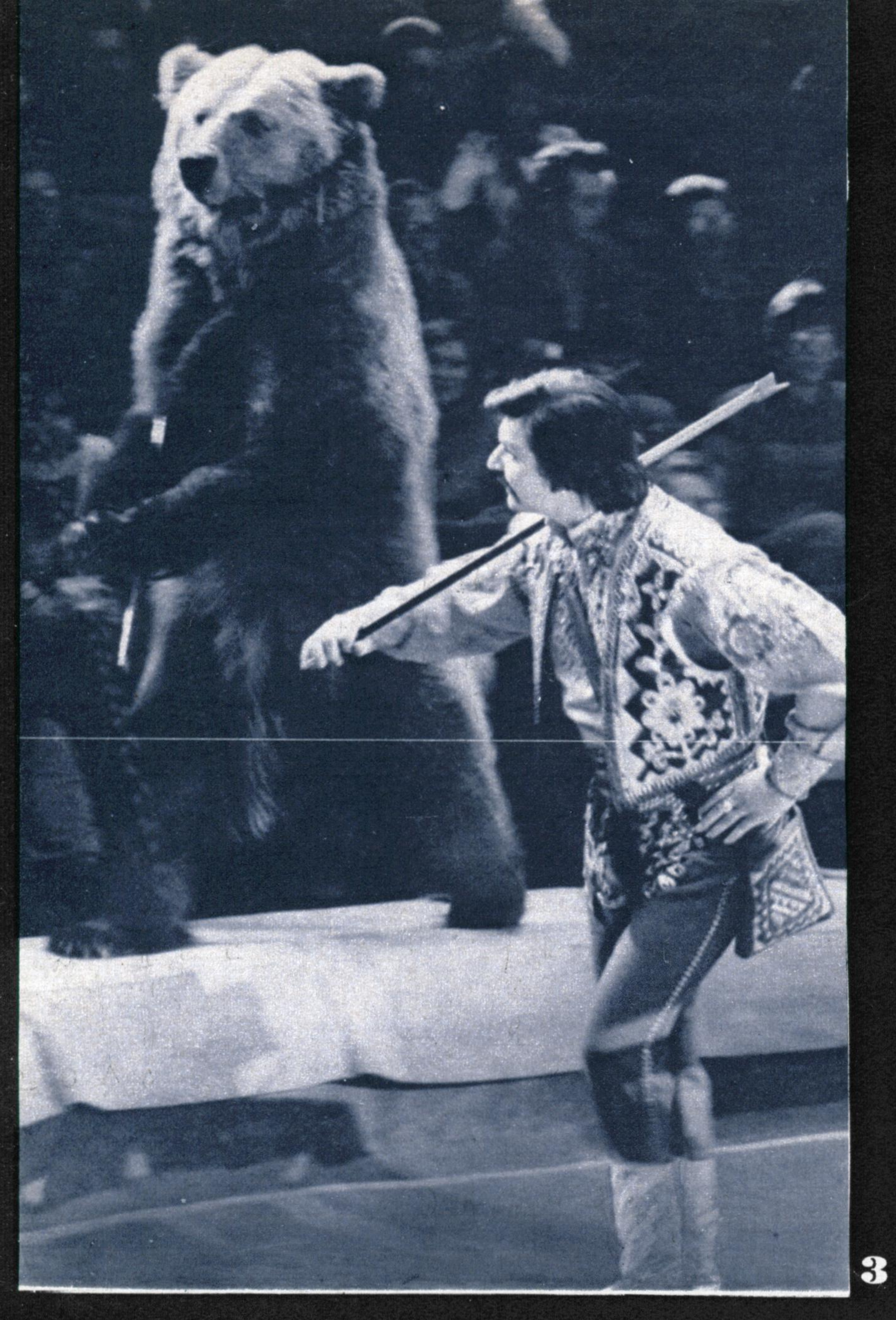
В истории цирковых кулис переплетаются и героика, и юмор, и неистовая одержимость работой. Артисты цирка на всю жизнь сохраняют трепетную верность манежу. И я давно убедился: в цирк нужно идти обязательно сегодня, не откладывая на когда-нибудь.

— ...Знаете, о чем говорит картина Пикассо «Девочка на шаре»?— сказал мне однажды силовой жонглер Вячеслав Анохин.— Угловатый акробат на барьере — это нелегкая жизнь цирка, а воздушная девочка — романтика цирка... Та самая судьба, от которой никому из нас не уйти.

Евг. ГОРТИНСКИЙ

2

3

1

На канате — Волжанские.

2

«Голубиная рапсодия» Г. Холоповой.

3

Вячеслав Золкин и его Малыш.

4

Баня для бегемота.

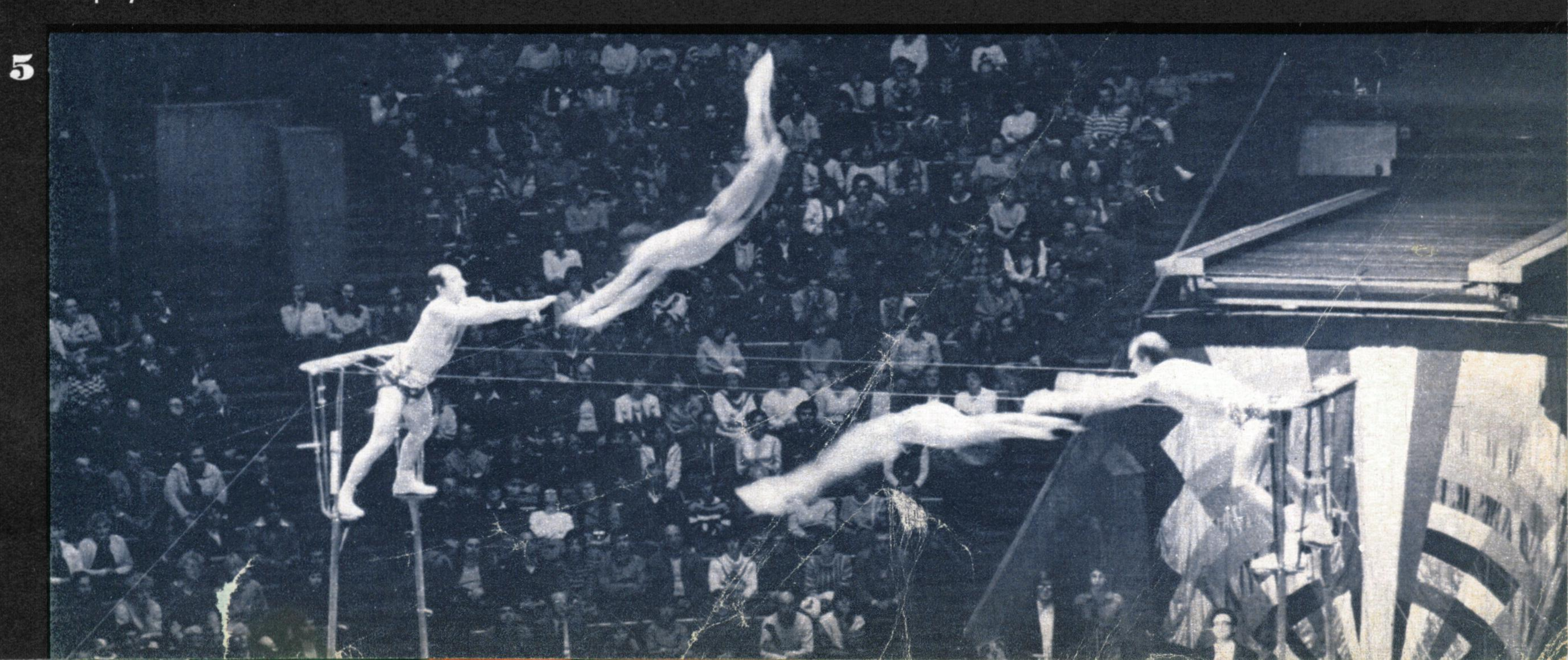
5

Партерный полет под руководством А. Арнаутова.

5

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663